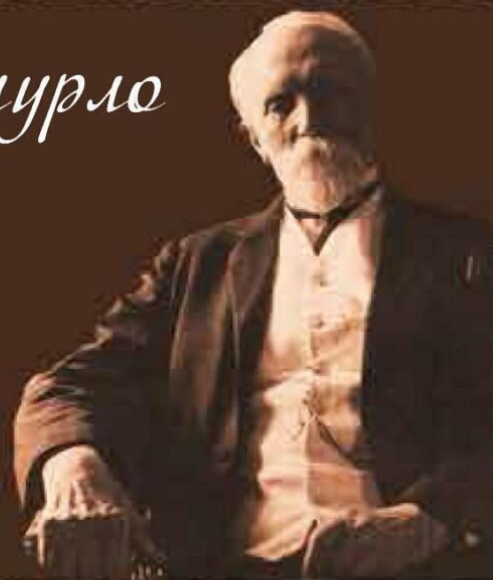

Е. Ф. Шмурло

ВОЛЬТЕР
И ЕГО КНИГА
О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Е. Ф. Шмурло

**Вольтер и его книга
о Петре Великом**

«Нестор-История»

1929

УДК 94
ББК 63.3(2)46

Шмурло Е. Ф.

Вольтер и его книга о Петре Великом / Е. Ф. Шмурло — «Нестор-История», 1929

ISBN 978-5-4469-2021-1

Вниманию читателей представлен труд известного историка, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Евгения Францевича Шмурло (1853-1934). Его книга увидела свет в Праге в 1929 г., давно стала библиографической редкостью, а потому оказалась малодоступной для читателей. Между тем она и в наши дни остается оригинальным исследованием о работе Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом». Особую ценность представляют документальные приложения к книге, дающие возможность проникнуть в творческую лабораторию Вольтера, прояснить отношение критиков, в первую очередь М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера, к его работе. Публикацию труда Е. Ф. Шмурло предваряет вступительная статья, в которой дается историографическая оценка его работ о Петровской эпохе. Переиздание книги Е. Ф. Шмурло 1929 г., как и осмысление его научных исследований по петровской теме, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению знаковых фигур XVIII в. — Петра I и Вольтера, а также истории русско-французского культурного взаимодействия. Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется Петром Великим, эпохой Просвещения и российско-французскими отношениями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-4469-2021-1

© Шмурло Е. Ф., 1929
© Нестор-История, 1929

Содержание

М. В. Ковалев, С. А. Мезин	7
Е. Ф. Шмурло	35
Введение	35
Глава первая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Шмурло

Вольтер и его книга о Петре Великом

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-42006

Рецензенты:

О. Б. Леонтьева (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева)

Н. М. Сперанская (Российская национальная библиотека)

© М. В. Ковалев, 2021

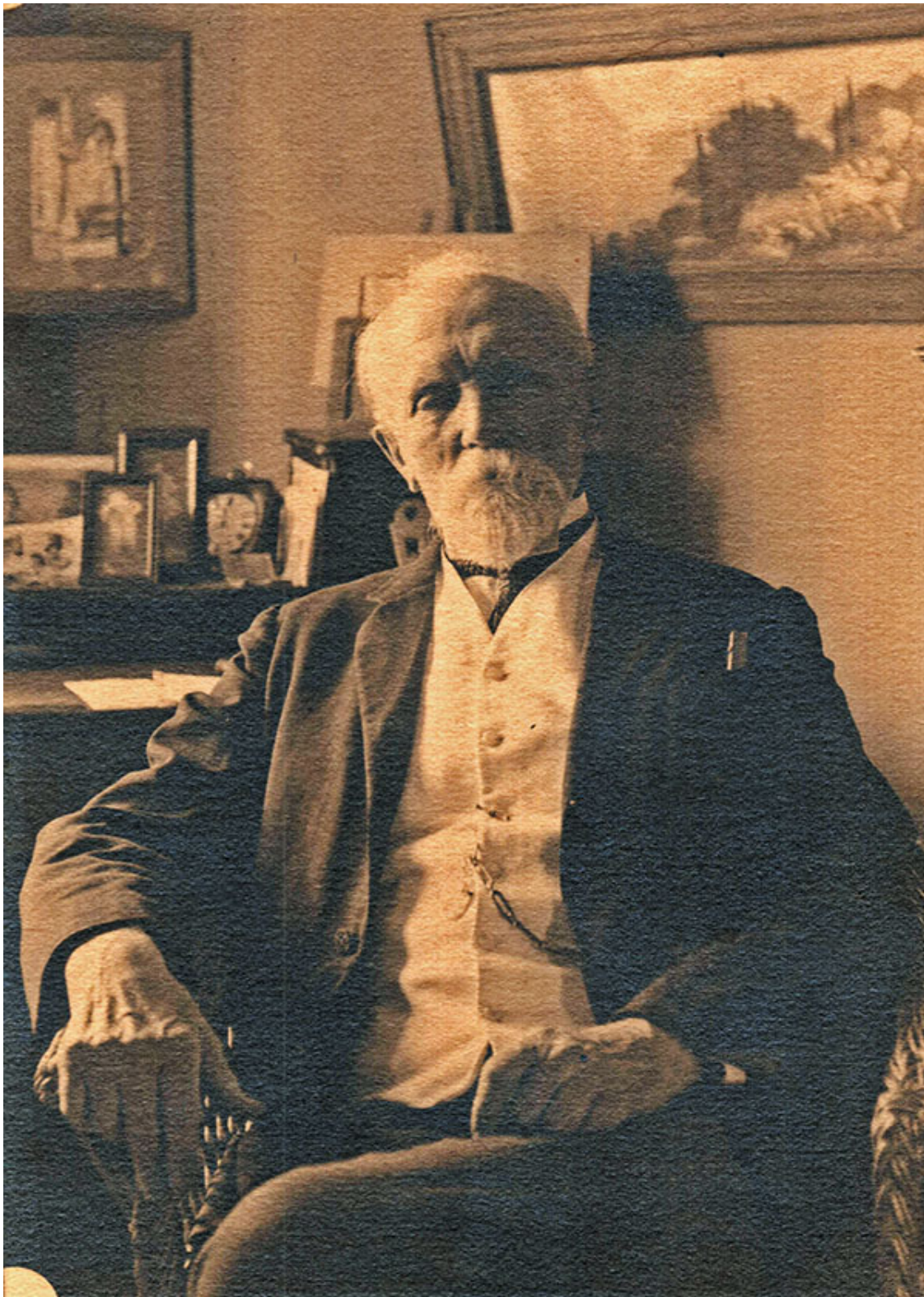
© С. А. Мезин, 2021

© А. Е. Кулаков, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

* * *

М. В. Ковалев, С. А. Мезин
**Евгений Францевич Шмурло
и изучение петровской эпохи**

Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) по праву занимает особое место в историографии Петровской эпохи¹. Его перу принадлежит ряд важных исследований о ранних годах Петра Великого, о Великом посольстве и истории дипломатических контактов, а также об отражении образов царя-реформатора и его времени в общественной мысли, науке и культуре. Несмотря на статус эмигранта, не принявшего власть большевиков и решившего не возвращаться на Родину из заграничной командировки, Е. Ф. Шмурло не стал запретной фигурой в советской исторической науке. В то же время специально его жизнь и творчество не изучались. Хотя работы ученого, особенно дореволюционного периода, неизменно цитировали, его личный фонд, вывезенный из Праги в составе Русского заграничного исторического архива, находился в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции вплоть до конца 1980-х гг. Правда, еще в пору хрущевской оттепели были предприняты первые попытки обращения к этим документам, оставшиеся, впрочем, единичными². В наши дни научное наследие Е. Ф. Шмурло привлекает все большее внимание исследователей. Многие его научные труды переизданы в современной России. Тем не менее обширное и многогранное научное творчество ученого вкуче с его богатым архивным наследием нуждается в углубленном и комплексном изучении.

Евгений Францевич Шмурло родился 29 декабря 1853 г. (по старому стилю) в Челябинске. Его отец был выходцем из польско-литовского шляхетского рода. В 1874 г. Евгений поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, однако вскоре перевелся на историко-филологический. Его учителем стал К. Н. Бестужев-Рюмин, влияние которого предопределило научные увлечения и исследовательскую методологию. После окончания учебы в 1878 г. Шмурло был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Под руководством К. Н. Бестужева-Рюмина он в 1888 г. представил магистерскую диссертацию об исторических взглядах митрополита Евгения (Болховитинова)³. В 1891 г. Е. Ф. Шмурло получил место ординарного профессора в Юрьевском университете, сменив на кафедре ушедшего на пенсию А. Г. Брикнера.

Среди многих представителей отечественной историографии Евгений Францевич особо заметен масштабными изысканиями в европейских архивах, где он выявлял материалы по российской истории. География его поисков была поистине широкой. Он бывал в таких местах, где прежде российские ученые-историки вообще не работали, например на Мальте. Архивные исследования были связаны в том числе с поисками материалов о петровском времени. В особенности влекли его материалы архивов Италии. Шмурло стал признанным специалистом по истории русско-итальянских связей. Интерес к этой теме подогревался стремлением ученого осмыслить взаимоотношения России с католической Европой в Новое время. С. Г. Яковенко подчеркнул, что в своем творчестве Е. Ф. Шмурло развивал то направление гуманитар-

---

¹ О биографии Е. Ф. Шмурло см. подробнее: *Саханев В. В.* Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 27–39; *Демина Л. И.* «Записки» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 252–256; *Она же.* Евгений Францевич Шмурло // Шмурло Е. Ф. История России. 862–1917. М., 2001. С. 5–15; *Беляев С. А.* Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 149–157; *Ковалев М. В.* Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и Новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172; *Dubjeva L.* Professor õppekeele vahetuse situatsioonis: Jevgeni Shmurlo Tartu ülikoolis 1891–1903 // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Т. XLII. Tartu, 2014. L. 101–111; *Боже Я. В.* «Римские каникулы» Е. Ф. Шмурло // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Материалы научной конференции, Саратов, 22–25 октября 2002 г. М., 2002. С. 50–51; *Она же.* Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2004; и др.

² *Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 533–540.

³ *Шмурло Е. Ф.* Митрополит Евгений как ученый: Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888.

ной мысли, «которое выросло и окрепло под влиянием споров славянофилов и западников»⁴. Их острая полемика, несомненно, оказала влияние на выбор научной проблематики ученого – Восток и Запад в русской истории XVI–XVII вв., эпоха петровских преобразований, православная Россия и католическая Европа. Петровская эпоха как научная проблема возникла в творчестве Шмурло не случайно. Слишком ярко отражала она соприкосновение разных культурных традиций и ставила вопрос о взаимоотношениях России и Запада⁵.

Эти интересы отражались и в педагогической деятельности. Еще в 1880-е гг. Евгений Францевич читал общий курс истории России в Павловском институте, а в 1884 г. совместно с С. Ф. Платоновым разработал специальный курс лекций по отечественной истории XVIII в.⁶ В это время появились его первые исследования, затрагивавшие петровскую тематику. В 1889 г. Шмурло прочел специальный курс по истории Петра Великого в Санкт-Петербургском университете, в котором он «стремился не только обрисовать петровскую реформу, но и заставить своих слушателей почувствовать эпоху как жизнь, представить ее жизненной и живой, проходящей перед ними в развертывающейся ленте образов и быта»⁷. В 1893 г. в Юрьевском университете в рамках семинарских занятий по истории России Е. Ф. Шмурло вел «Практические занятия по эпохе Петра Великого», а в 1899 г. прочитал цикл лекций «Законодательные памятники Петровского царствования»⁸.

Евгений Францевич не был кабинетным ученым и значительную часть времени проводил в научных командировках. Сам он не раз в шутку признавался, что «ему следовало быть Пржевальским или Грум-Гржимайло, а не кабинетным исследователем, кропотливо раскапывающим архивы»⁹. Начало регулярной работе Е. Ф. Шмурло в итальянских архивах положила примечательная поездка в Падую в 1892 г., куда он был приглашен как представитель Юрьевского университета для участия в торжествах, посвященных Галилео Галилею. В Падуе он обнаружил уникальные архивные материалы о Петре Васильевиче Постникове (1666 – после 1716), видном дипломате и враче Петровской эпохи, которые легли в основу биографического исследования об этом неординарном деятеле¹⁰. В декабре 1892 г. в Венеции Евгений Францевич разыскал документы о приготовлениях сената республики к так и не состоявшемуся приезду Петра Великого, а также неизвестную грамоту царя дожу. Он собрал сведения о волонтерах, посланных Петром в Италию, изучил донесения о России венецианского посла в Польше, скопировал документы о приеме русских дипломатов дожами, а также грамоту Ивана Грозного венецианскому правителю¹¹. В Ватиканском архиве он изучал депеши варшавского нунция, документы о приеме в Риме русских посланников конца XVII в. П. Менезия, Б. П. Шереметева и др.

⁴ Яковенко С. Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. М., 1993. С. 69.

⁵ О взглядах Е. Ф. Шмурло на роль Востока и Запада в российской истории см.: Шмурло Е. Ф. Восток и Запад в русской истории: публичная лекция. Юрьев, 1895. См. также: Суворов В. В. Е. Ф. Шмурло о культурно-исторических задачах России на Востоке // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 5. С. 1–7. Шмурло Е. Ф. Лекции по истории, читанные в Павловском Институте в 1884–1885 г.

⁶ Литографированное издание. СПб., 1886; *Он же*. Русская история. XVIII. Лекции на Высших Женских Курсах в Санкт-Петербурге, 1885–1886 гг. Литографированный курс. СПб., 1886.

⁷ Лапто И. И. Памяти Б. А. Евреинова, А. А. Кизеветтера и Е. Ф. Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 21.

⁸ Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло – профессор Тартуского (Дерптского/ Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 109.

⁹ Саханев В. В. Указ. соч. С. 34. См. также: Ковалев М. В. «В наших отношениях к Востоку есть что-то неизбежное, роковое...»: Евгений Францевич Шмурло и Азиатская Россия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840014604-3-1/> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁰ Шмурло Е. Ф. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

¹¹ Саханев В. В. Указ. соч. С. 49.

В 1893 г. Е. Ф. Шмурло посетил Голландию и Францию. В архивах Гааги он изучил донесения голландского посланника при русском дворе в 1724–1725 гг.¹², побывал в Амстердаме и посетил в Заандаме домик Петра. В Париже историк собрал дополнительные сведения о П. В. Постникове, жившем во французской столице в 1702–1710 гг., а также о Б. П. Шереметеве.

Именно в 1890-е гг. окончательно сформировался интерес Е. Ф. Шмурло к материалам по русской истории в европейских архивах. Так, в своем отчете о работе, представленном руководству Юрьевского университета, он подчеркивал, что дальнейший успех исследований будет зависеть от продолжения работы в архивах Рима и Венеции. В связи с этим он обратился с просьбой к Совету университета дать ему командировки в Италию в течение летних каникул и осеннего семестра 1893/1894 гг.: «...Занятия свои... в Иезуитском архиве в Риме я намерен сосредоточить на эпохе Петра Великого (последние десятилетия XVII и первые XVIII столетия), именно на сношениях русского и Римского Дворов по вопросам церковным. Пропаганда католичества в пределах тогдашней России; распространение унии в Польше; меры Русского правительства для противодействия этим явлениям; вытекающие отсюда отношения к Папскому и Польским правительствам – вот основная тема моих предстоящих работ. Занимаясь истекшею зимою в архивах и библиотеках Рима, я убедился, что в иезуитском архиве хранится целая серия документов, непосредственно относящихся до избранной мной темы...»¹³ Разрешение Евгений Францевич получил.

Новая поездка в Италию в 1897 г. убедила его в необходимости учреждения в Риме русского научного представительства, которое бы отвечало потребностям современной русской исторической науки¹⁴. В 1899 г. он выступил со своими предложениями на IX Археологическом съезде в Киеве. В своем докладе он рассказал об открытии в Ватикане научных институтов и комиссий нескольких европейских государств, призванных изучить богатейшие архивные собрания. Шмурло предложил создать в Италии русскую историческую комиссию и составил ее проект¹⁵.

К сожалению, Русский институт в итальянской столице так и не был создан. Зато осенью 1903 г. при поддержке А. С. Лаппо-Данилевского Евгений Францевич был назначен ученым корреспондентом Императорской Академии наук в Риме и перебрался в Италию¹⁶. Согласно утвержденному «Положению об обязанностях...» Шмурло должен был заниматься описанием, собиранием и критической обработкой материалов по русской истории, хранящихся в итальянских библиотеках и архивах, изготавливать или заказывать копии документов, сличать рукописи, приобретать предметы древности и по результатам этой работы представлять ежегодно два отчета – финансовый и научный¹⁷. По просьбе Академии наук Е. Ф. Шмурло подбирал образцы письма, делал фотографические снимки для дальнейшего обучения русских исследователей основам европейской палеографии. Приведем лишь один яркий пример. В мае 1905 г. к Е. Ф. Шмурло обратился его давний знакомый С. Ф. Ольденбург, который интересовался записками иезуита Ипполито Дезидери (Ippolito Desideri, 1684–1733)¹⁸. Он был интереснейшей фигурой в истории католической церкви, ибо прославился не только как миссионер, но и исследователь. Он долгое время жил в Индии, но, главное, стал одним из первых европейцев,

¹² Шмурло Е. Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I (по данным Государственного архива в Гааге) // Сборник статей, посвященных Д. А. Корсакову. Казань, 1913. С. 352–365.

¹³ Цит. по: Дубьева Л. В. Евгений Францевич Шмурло – профессор Тартуского (Дерптского / Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 119.

¹⁴ Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. Юрьев, 1898. С. 32.

¹⁵ Шмурло Е. Ф. Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.

¹⁶ Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 402.3.1902.46–49р.

¹⁷ Божье Я. В. Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 74.

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (дале – ПФА РАН). Ф. 208. Оп. 3. Д. 668. Л. 1.

проникших на Тибет, изучивших тибетский язык и занявшихся изучением буддизма. Дезидери прожил на Востоке с 1713 по 1727 г., а результаты его обширной и многогранной работы нашли отражение в монументальном труде о Тибете. Увы, автор не увидел его опубликованным. Конгрегация евангелизации народов (*Congregatio pro Gentium Evangelizatione*) запретила печатание и на многие десятилетия похоронила уникальный труд Дезидери в ватиканских архивах. Ученые получили возможность обратиться к нему лишь в конце XIX – начале XX в.¹⁹ Ольденбург просил Шмурло снять копию с рукописи итальянского иезуита. Последовали непростые переговоры, но в итоге в ноябре 1906 г. историк радостно сообщил в Петербург, что «Дезидери копируется и в моих руках уже имеется небольшая пачка копий»²⁰. Помимо маститых историков, Е. Ф. Шмурло неизменно оказывал большую поддержку молодым русским историкам, командируемым в Италию.

На рубеже веков Евгений Францевич заинтересовался слабоизученными сюжетами дипломатических сношений петровской России с Германией, Венецией, Польшей и Святым Престолом. Он извлек множество документов из ватиканских, парижских, венских, гаагских, венецианских архивов и библиотек, которые проливали свет на практически неизвестные сюжеты истории международных отношений в конце XVII – начале XVIII в., на место России в них, содержали ценнейший материал о взаимоотношениях православной и католической церкви. Результаты этого поистине титанического труда легли в основу фундаментального сборника документов, изданного в Юрьеве в 1903 г. и не имеющего аналогов по сей день²¹.

Изучение российско-европейских связей шло неотрывно от изучения Петровской эпохи. Примечательно, что Е. Ф. Шмурло интересовали не только ее международные, внешнеполитические аспекты. Так, в 1900–1902 гг. появилась серия его статей «Критические заметки по истории Петра Великого», объединенная целью по-новому взглянуть на некоторые эпизоды из детства и юности царя, а также на первые шаги его самостоятельного правления вплоть до Великого посольства²². Его интересовал не только сам Петр, но и его окружение, те жизненные обстоятельства, которые повлияли на становление личности царя. «Заметки» носят характер исторических этюдов. Автор выбирает только определенные, самые важные, на его взгляд, сюжеты (брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной; время и место рождения Петра; кормилицы, мамы и дядьки царевича; Преображенское и Кремль в жизни Петра; патриарх Иоаким; А. С. Матвеев; «Полк Петров» и «наставничество» П. Менезия; Великое посольство и т. д.), но рассматривает их всесторонне. Он приводит новые факты, сопоставляет различные точки зрения, а затем формулирует свою собственную позицию. Поэтому каждая часть «Заметок» сама по себе представляет законченное исследование. Вероятно, поэтому Шмурло отказался от строгой хронологической последовательности в расположении очерков. Автор отмечал, что невозможно понять Петровскую эпоху, пока не будет прояснен «духовный облик» царя, его характер, его вкусы и интересы. Отсюда вытекала насущная потребность глубокого изучения детства и юности Петра, времени, когда слагался его характер, его образ мыслей и мировоззрение. Именно этому и были посвящены «Заметки».

Многие события жизни молодого Петра Шмурло излагал с новыми подробностями. Он детально исследовал обстоятельства женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Молодая царица, по его мнению, разительным образом отличалась от многих

¹⁹ См.: *Иванов Д. В.* Европейская гравюра XVIII века в монгольской коллекции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН // *Память мира: историко-документальное наследие буддизма.* М., 2011. С. 93–95.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 668. Л. 8.

²¹ *Шмурло Е. Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев, 1903.

²² *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого // *Журнал Министерства народного просвещения* (далее – ЖМНП). 1900. № 5. С. 54–98; № 8. С. 193–234; № 10. С. 335–366; 1901. № 12. С. 238–249; 1902. № 4. С. 421–439; № 6. С. 232–256.

женщин своего времени; она обладала «заманчивой новизною», несвойственной для москвички XVII в. «Эта новизна шла с Запада и сказывалась новыми порядками, вещами, иными манерами, обиходом и если еще не новыми обычаями, то новыми формами, иным подходом и обращением»²³. Брак московского государя был одним из важнейших событий в политической жизни страны. Царь вводил в круг придворной знати новых людей, «и, выдвигая одних, отстранял других, более или менее свыкнувшихся со своим положением»²⁴. Поэтому второй брак Алексея Михайловича естественным образом должен был вызвать недовольство со стороны Милославских, перерасти в бескомпромиссную борьбу за влияние при дворе.

Евгений Францевич исследовал обстоятельства рождения Петра, установив, что он появился на свет в ночь с 29 на 30 мая 1672 г. в Москве, а не в Коломенском, вопреки известному поэтическому мнению А. П. Сумарокова. Он обратил пристальное внимание на начало учебных занятий Петра. Для воссоздания личности молодого царевича важна каждая деталь: французская астролябия, уроки Тиммермана, корабли на Переяславском озере²⁵. Все это дало мощный толчок для становления Петра как личности, заронило в его душу особый, неподдельный интерес ко всему новому и неизведанному («энциклопедизм занятий»). Детские забавы постепенно перерастали во взрослые увлечения, справедливо полагал историк. «От маленького английского бота зачалась целая флотилия русских судов. Не даром же и чтит его Петр: “Дедушка русского флота” стал воплощением целой идеи», – напишет Е. Ф. Шмурло в одной из своих поздних статей²⁶.

В детстве Петр бессознательно привык жить в двух мирах: с одной стороны, он балованный ребенок, опекаемый своей матерью, а с другой – царь-государь. Эта двойственность, контрастность, по мнению Шмурло, давала знать о себе на протяжении всего петровского правления. Избрание на царство наложило на Петра множество обязанностей, обусловленных высоким саном: участие в церковных церемониях, аудиенциях иностранных послов, приемах тех или иных лиц в знак особой милости. Внимание историка привлек придворный церемониал, который очень точно отражал идейно-политические и религиозные представления эпохи и играл важную роль в государственной жизни.

Среди наиболее дискутируемых вопросов отечественной истории особое место занимает дворцовая борьба 1680-х гг. и роль в ней царевны Софьи. Еще при жизни Петра I начала формироваться историческая традиция, согласно которой его оппоненты рассматривались как противники прогресса, ревностные последователи закостенелой старины, носители темной силы в противовес живой энергии царя-реформатора и его преобразований. Именно Софья на долгие годы стала одним из олицетворений старого московского «мракобесия». Эти представления были твердо закреплены Н. Г. Устряловым, видевшим в Софье злого гения, пытавшегося загородить Петру дорогу. Попытки пересмотреть историческую роль царевны предпринимались еще Г. Ф. Миллером, Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым. В 1870-е гг. радикально пересмотреть отношение к Софье попытался Н. Я. Аристов²⁷. Но в своих попытках обелить царевну он зашел так далеко, что представил ее едва ли не наивной и невинной жертвой внешних обстоятельств.

На этом фоне чрезвычайно важной выглядит оценка Софьи, данная Е. Ф. Шмурло. Ее образ живо интересовал ученого, и еще в 1896 г. он напечатал о ней специальную статью в «Журнале Министерства народного просвещения». Ему в равной степени был чужд апологетизм как Н. Г. Устрялова, так и Н. Я. Аристова. Для Евгения Францевича они «одного

²³ Шмурло Е. Ф. Детство Петра I (Глава из книги Е. Ф. Шмурло «Петр Великий: От колыбели до Великой Северной войны») // Ораниенбаумские чтения. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 249.

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 70, 75.

²⁶ Шмурло Е. Ф. Первые этапы Петра Великого на пути к морю (июнь 1688 г.) // Морской журнал. Прага, 1928. № 6–7. С. 10.

²⁷ Аристов Н. Я. Московские смуты в правление Софьи Алексеевны. М., 1871.

поля ягоды: один в роли прокурора, другой в роли адвоката; оба – представители односторонних интересов, страстные, беспокойные, точно они сами участвовали в тогдашней расправе»²⁸. Шмурло не был склонен чернить образ Софьи, обвинять в коварных замыслах, наряжать в «макиавеллистический костюм», рисовать в образе «профессиональной интриганки»²⁹. Наоборот, он высоко ценил царевну, видя в ней едва ли не «родоначальницу освободительного женского движения», полагал, что с ее приходом во власть «пульс придворной жизни забился усиленным темпом»³⁰. Между тем он не закрывает глаза и на ее недостатки, многократно указывая на природное властолюбие, далеко идущие личностные амбиции, а часто и глубокий расчет, соединенный с готовностью бороться за свои интересы любыми средствами. Высказанные Е. Ф. Шмурло идеи в полной мере нашли подтверждение в фундаментальной биографии Софьи, написанной английской исследовательницей Л. Хьюз³¹.

Е. Ф. Шмурло думал, что трагические события 1682–1689 гг. были неизбежными и стихийными, а значит, в них сложно найти правых и виноватых. Историк видел ошибку отечественной историографии в чрезмерной пристрастности при рассмотрении дворцовой борьбы, в желании только лишь обвинять или оправдывать. Поэтому его интересует не противостояние Нарышкиных и Милославских само по себе и роль в нем стрельцов, бояр, патриарха, но только конкретные люди с их помыслами, чувствами и страстями. По его мнению, напряженность искусственно нагнеталась двумя противоборствующими сторонами, в равной степени не готовыми к компромиссу, но готовыми пойти на все, чтобы удовлетворить свои амбиции. Специального изучения удостоилась роль женщин в борьбе за власть, когда за корону ухватились Наталья Кирилловна и Софья: «одна для сына, другая для брата», одна из материнского чувства желала видеть корону на голове сына ради его же интересов, другая видела в брате лишь орудие собственных амбиций³².

Но для чего нужно столь детальное и тщательное описание ранних лет Петра, тем более что личность его самого иногда отходит на второй план? Е. Ф. Шмурло полагал, что только так можно понять все последующие действия царя-реформатора. Именно в детстве надо искать ключ ко многим последующим его поступкам. Историк воссоздал ту среду, в которой воспитывался Петр, проанализировал ее влияние на становление личности царя, нарисовал живые и яркие картины первых лет его жизни.

Один из центральных эпизодов в повествовании Шмурло – Великое посольство. Историк воссоздает поездку Петра в Европу в мельчайших подробностях, читатель словно следует по тому же маршруту, что и молодой царь. Для Е. Ф. Шмурло важна каждая, пусть даже самая малая деталь, но только в том случае, если она способна пролить свет на спорные или неизвестные моменты, стать еще одним ярким мазком в исторической картине эпохи. Он проследил путь Петра, восстановив хронологически точно его маршрут, пытаясь уловить и понять впечатления державного путешественника.

Евгений Францевич прекрасно понимал невозможность адекватной оценки Петровской эпохи без осознания положения страны до преобразований. Он был убежден, что необходимость реформ назрела в русском обществе задолго до Петра, поэтому и первостепенные задачи этого пути уже были сформулированы предшествующими поколениями. В XVI в. и в России, и на Западе закончились средние века; Россия, долгое время обескровленная борьбой с Азией, стала втягиваться в круговорот международной жизни. В допетровской Руси «Запад давно уже стучался в русскую дверь» и в царствование Алексея Михайловича «пробил себе довольно

---

²⁸ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи. С. 49.

²⁹ Там же. С. 50.

³⁰ Там же. С. 57; Саханев В. В. Указ. соч. С. 67.

³¹ Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001.

³² Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи. С. 50.

широкую брешь»³³. Таким образом, Петр получил готовую программу действий. Но люди «еще стояли на распутье, в нерешительности», еще сомневались, «действительно ли нужна реформа», «кремлевский терем, консервативный и недоверчивый по природе, относился враждебно ко всякого рода переменам, нарушавшим привычный для него ход событий»³⁴. Таким образом, Е. Ф. Шмурло не склонен противопоставлять Петра и его эпоху всему предшествующему развитию Руси, у него титаническая фигура царя-реформатора не заслоняла дореформенного прошлого, как это было, например, у М. П. Погодина. И если между Московской Русью первых Романовых и императорской Россией Петра и было много различий, то и сходств было немало!

Особое место в творчестве Е. Ф. Шмурло заняли капитальные труды по историографии Петровской эпохи. В 1889 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» им был опубликован очерк «Петр Великий в русской литературе»³⁵, вышедший и отдельной книгой (СПб., 1889. 136 с.). В 1911–1912 гг. на страницах того же издания появилось исследование «Петр Великий в оценке современников и потомства»³⁶, которое также было напечатано в виде книги (СПб., 1912. 161 с.). Уже в эмиграции была написана фундаментальная работа о взглядах Вольтера на Петра и его время³⁷.

Известия о революции 1917 г. застали историка в Риме. Е. Ф. Шмурло всегда стоял вне политики, но Октябрьский переворот вызвал в нем глубокое отторжение. Не задумываясь, в 1918 г. он принял предложение занять пост секретаря в Союзе для борьбы с большевиками, созданном в Риме генералом М. Н. Леонтьевым³⁸. В рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге в коллекции документов Шмурло сохранилась машинописная аналитическая записка о положении дел в Советской России, обрисовывавшая состояние Красной армии, финансовое положение страны, ужасы террора и др.³⁹ К сожалению, она не датирована и не подписана. Поэтому нельзя однозначно утверждать об авторстве ученого. Так или иначе, но он внимательно следил за положением дел на Родине. По воспоминаниям знавших его людей, «большевизм был для него органически неприемлем и в отношении к нему он оставался до последних своих дней совершенно непримиримым»⁴⁰. Это негативное отношение проявлялось даже в неприятии новой орфографии. Он неизменно требовал, чтобы его научные работы, изданные на русском языке за рубежом, печатались так, как это было принято до большевиков.

После 1917 г. Евгений Францевич прожил в Италии еще семь лет, вплоть до переезда в Прагу в 1924 г. Он продолжал работу ученого корреспондента фактически на собственные сбережения, отказывая себе во всем. Известно, что он даже был вынужден питаться в благотворительных столовых⁴¹. Не менее тяжелым было моральное состояние. Если до 1917 г. Шмурло находился в статусе русского ученого, проживавшего за границей, но работавшего на благо отечественной науки, то теперь он стал русским ученым, оторванным от России, не имевшим возможности не только вернуться на Родину, но и работать для ее науки. Несмотря на то, что Евгений Францевич имел многолетний опыт жизни за границей, приспособление

³³ Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. XV. Об участии патриарха Иоакима в избрании Петра Великого на царство // ЖМНП. 1902. № 6. С. 248.

³⁴ Шмурло Е. Ф. Детство Петра I (Глава из книги Е. Ф. Шмурло «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны»). С. 247.

³⁵ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 57–125; № 8. С. 305–375.

³⁶ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // ЖМНП. 1911. № 10. С. 316–340; № 11. С. 1–37; № 12. С. 201–273; 1912. № 5. С. 1–40; № 6. С. 193–259.

³⁷ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

³⁸ Божье Я. В. Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 81; Саханев В. В. Указ. соч. С. 59.

³⁹ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. T-A 2174/1096.

⁴⁰ Саханев В. В. Указ. соч. С. 59.

⁴¹ Беляев С. А. Указ. соч. С. 155.

к новым жизненным обстоятельствам давалось ему непросто. К тому же после революции его официальный статус был не вполне понятен. В апреле 1924 г. Шмурло узнал об исключении из нового штатного расписания Академии наук должности ученого корреспондента в Риме⁴². В ту пору «железный занавес» еще не окончательно опустился, и поэтому сохранялась возможность общения между Россией советской и Россией зарубежной. Академия наук на протяжении нескольких лет пыталась возобновить официальные контакты с Е. Ф. Шмурло. Этому во многом способствовал С. Ф. Платонов, продолжавший переписываться с ним. Сергей Федорович предлагал своему коллеге возобновить работу ученого корреспондента в официальном статусе, обратившись к представителям СССР в Риме и ознакомив их с положением дел. Шмурло, однако, с этим не согласился и настаивал, чтобы Академия делегировала ему полномочия для переговоров с советскими представителями в Италии: «...я, конечно, сочту долгом исполнить это предписание, но являться в посольство по собственной инициативе мне, в моем положении, когда даже от самой Академии я до сих пор не могу добиться ответа: что я для нее: уч[еный] корр[еспонден]т, продолжающий нести свои обязанности или только “бывший”? – в таком положении, говорю я, являться в посольство мне не приходится»⁴³. Тогда инициативу взял в свои руки сам С. Ф. Платонов: 30 сентября 1925 г. он попросил советские власти разрешить Академии наук восстановить официальные контакты с ученым корреспондентом Е. Ф. Шмурло. Однако 31 декабря того же года Сергей Федорович получил отказ за подписью заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова, подчеркнувшего, что, вследствие занятой Шмурло позиции в отношении советской власти, «НКВД не находит возможным вступать с ним в непосредственные деловые сношения»⁴⁴. Окончательный разрыв с Родиной стал для Евгения Францевича неизбежным.

В то же время чехословацкое правительство предложило ученому переехать в Прагу, ставшую тогда местом притяжения интеллектуальных сил эмиграции. «Русская акция», специальная программа помощи эмигрантам, инициированная президентом Т. Масариком, дала возможность продолжить научную работу десяткам ученых. Итальянские исследователи С. Гардзонио и Б. Сульпассо в качестве веского мотива для отъезда Е. Ф. Шмурло называют также приход к власти фашистов во главе с Б. Муссолини⁴⁵.

К моменту переезда Евгения Францевича в чехословацкую столицу в ней уже сложилась развитая сеть русских учебных и научных учреждений. В Праге жило и работало немало русских историков – А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве, Г. В. Вернадский, В. А. Мякотин, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский – некоторых из которых Е. Ф. Шмурло знал еще до революции. Он был тепло принят чехословацкими властями. При поддержке Славянского института в Праге и чешских историков К. Крофты и Я. Бидло ученый издал несколько книг, включая «Курс русской истории», ставший результатом его многолетней научной и преподавательской работы⁴⁶.

В римский период жизни научная активность Шмурло была невелика. Он в основном занимался публикацией источников в ущерб подготовке исследовательских работ, на что не раз сетовал друзьям⁴⁷. В пражский период он словно хотел наверстать упущенное – чрезвычайно много работал, писал и публиковал. Конечно, активность его научных путешествий заметно спала, ведь Е. Ф. Шмурло был уже немолод. В феврале 1929 г. он так обрисовывал свое нынешнее состояние в письме к Е. П. Павловой, остававшейся в Ленинграде ученице К. Н. Бесту-

⁴² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 29.

⁴³ Там же. Л. 29 об. – 30.

⁴⁴ Там же. Д. 3410. Л. 1.

⁴⁵ *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011. С. 32, 115.

⁴⁶ *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Прага, 1931–1935. Т. 1–4. См., например: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Bidlo Jaroslav. Kart. 7. Inv. č. 628; Fond Kamil Krofta. Kart. 3. Inv. č. 249.

⁴⁷ См.: *Бухерт В. Г.* «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е. Ф. Шмурло из Рима к М. А. Дьяконову. 1893–1917 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126–154.

жева-Рюмина: «Перед Вами 75-летний старик, который, однако, слава Богу, еще не чувствует на себе трагической тяжести этого возраста; голова еще светлая и продолжает работать, – работает еще не дурно (перед Вами не стану скромничать и скрывать этого радостного сознания); “ветхий денми”, но еще молодой душою – по признанию многих окружающих; годы, разумеется, уже сказались: ноги не тверды, сердце работает хуже; резкое движение – и уже задыхаюсь; с лестницы, хотя бы и широкой, но без перил не сойти, да и на улице всегда с палкой»⁴⁸. Он жил довольно одиноко. Его сын Сергей работал врачом во Французском Судане, а от сына Павла, оставшегося в Советской России, историк вестей не имел⁴⁹. Невзирая на трудности, Е. Ф. Шмурло работал с невероятным усердием, обрабатывая многочисленные материалы, накопленные в предыдущие годы. Современники вспоминали: «Вы входили в его беженскую комнату, и вас сразу же охватывал дух науки. Книги везде: ими завален письменный стол у окна (а сам Е. Ф. работал за небольшим овальным столом посередине комнаты). На кроватях. На стульях. На чемоданах. На этажерках. На шкапах. Тех, что в шкапах, не видно. Но везде порядок: книги на научных позициях, а не вразброс»⁵⁰.

Евгений Францевич Шмурло стоял у истоков Русского исторического общества в Праге, созданного в 1925 г. и объединившего множество эмигрантских ученых. На посту его председателя он оставался до 1933 г.⁵¹ Вообще в Праге он развил довольно энергичную общественную и научную работу, несмотря на свой почтенный возраст. Он входил в состав комитета по празднованию «Дня русской культуры», главного праздника русских за рубежом, подготовил учебники по истории для эмигрантских детей и юношества⁵². С момента приезда в Чехословакию и вплоть до 1931 г. Е. Ф. Шмурло принимал деятельное участие в работе Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива⁵³. В 1924, 1928 и 1930 гг. он принимал участие в съездах Русских академических организаций за границей, проходивших в Праге, Белграде и Софии соответственно⁵⁴. Правда, вопреки расхожему мнению⁵⁵, педагогической работой он уже не занимался и не преподавал ни в русских эмигрантских, ни в чехословацких учебных заведениях. Можно предположить, что здесь сыграл свою роль не только возраст Шмурло, но и его долгая оторванность от работы в высшей школе.

Покидая Италию в 1924 г., Евгений Францевич продал свое личное книжное собрание, состоявшее из 8000 томов, Министерству иностранных дел Чехословакии. Книги эти впоследствии поступили в фонды Славянской библиотеки в Праге, где хранятся и поныне⁵⁶. Часть своих бумаг Е. Ф. Шмурло в 1916 г. оставил в Петрограде во время приезда на Родину, который окажется последним. Когда коллегам стало понятно, что в Россию в ближайшее время историк вернуться не сможет, они упаковали его документы в корзину и передали на хранение С. Ф. Ольденбургу. В начале 1920-х гг. Шмурло отчаянно пытался вернуть свои руко-

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 513. Л. 1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 2 об.

⁵⁰ *Фатеев А. Н.* Два историка и два построения русской истории // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 9.

⁵¹ *Ковалев М. В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 149–152.

⁵² *Ковалев М. В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. Кн. 25/2. С. 270–271, 273; *Он же.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000732-4-1/> (дата обращения: 23.01.2021).

⁵³ *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 216.

⁵⁴ Державен архив – София. Ф. 1 к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 6; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карг. 28. Д. 54. Л. 13 об. – 14 об.; *Ковалев М. В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...» Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 94–95, 98–99.

⁵⁵ *Вандалковская М. Г.* Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. Praha, 1999. S. 100.

⁵⁶ *Боже Я. В.* Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 88–89.

писи, среди которых была особо дорогая ему незавершенная монография «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны». Он писал в июле 1922 г. С. Ф. Платонову: «Не найдете ли возможность переслать эту злополучную корзину хотя бы в Ревель или (еще лучше) в Берлин? Оттуда было бы кому переслать ее мне»⁵⁷. Но ни Платонов, ни Ольденбург не доверяли пересылке, обоснованно считая ее небезопасной для груза⁵⁸. Не удалось передать бумаги и через ученых, пока еще имевших возможность выезжать в европейские командировки⁵⁹. Е. Ф. Шмурло вплоть до смерти писал в Ленинград с просьбой вернуть ему рукописи. Известно, что 1 ноября 1933 г. он обращался с соответствующим запросом в Архив АН СССР. Сохранилась записка за подписью его директора Г. А. Князева следующего содержания: «По наведенным справкам выяснилось, что чемодан с материалами Шмурло находился в 1925 году в кабинете Непременного Секретаря. В описях материалов, находившихся в кабинете Н[епременного] С[екретаря] в конце 1929 года чемодана с работами Шмурло не значится»⁶⁰. Можно предположить, что бумаги так и хранились у С. Ф. Ольденбурга, а после его смерти в феврале 1934 г. все же оказались в архивных фондах Академии наук. Во всяком случае, сегодня часть бумаг Е. Ф. Шмурло хранится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и практически недоступна для исследователей.

Конечно, историк приехал в Прагу не с пустыми руками. Вместе с собой он привез огромное число копий архивных документов, а также выписок и заметок, сделанных им в Италии. После смерти Е. Ф. Шмурло в 1934 г. часть его архива была передана в собственность Министрства иностранных дел Чехословакии и поступила на временное хранение в Славянский институт в Праге. В 1937 г. ученик историка В. В. Саханев констатировал, что собрание это еще не разобрано, но приводил краткий список документов, имевшихся в нем⁶¹. Большая их часть была связана с Италией. Однако это были лишь фрагменты архива Е. Ф. Шмурло, поскольку еще в 1935 г. часть бумаг была передана его сыном Сергеем в Русский заграничный исторический архив в Праге⁶². В том же году он подарил Библиотеке исследований и наследия (*La bibliothèque d'étude et du patrimoine*) в Тулузе книги и газетные вырезки отца, касающиеся взаимоотношений большевиков и католической церкви⁶³. По какому принципу было разделено собрание, установить пока не удалось. Некоторые материалы Е. Ф. Шмурло хранились также у А. В. Флоровского, который в 1937 г. стал председателем Русского исторического общества в Праге. Только в ноябре 1940 г. он передал их новому руководству Общества⁶⁴. Состав документов остается невыясненным, поскольку опись материалов не сохранилась. Имеются косвенные данные, что бумаги Е. Ф. Шмурло могли привлечь внимание немецкого историка Э. Винтера, который был знаком с А. В. Флоровским и который в начале 1940-х гг. завершал работу над книгой о борьбе католических и православных начал на Украине⁶⁵. Во всяком случае, судьба этой части архива Е. Ф. Шмурло еще нуждается в детальном прояснении. Вероятнее всего, документы, не попавшие некогда в Русский заграничный исторический архив, остались в Праге

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 22.

⁵⁸ Там же. Л. 24.

⁵⁹ *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Указ. соч. С. 216.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 89. Л. 263.

⁶¹ См.: *Саханев В. В.* Указ. соч. С. 55–56.

⁶² *Zpráva o činnosti Ruského zahraničního historického archivu při Ministerstvu věcí zahraničních a Ústavů přidružených za rok 1935 // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 168; Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Прага, 2011. С. 250.*

⁶³ *Deschaux J., Pech C., Modely M., Dubourg F., Courtial F., Bonafé I.* Trésors de la Bibliothèque municipale de Toulouse // *Art et Métiers du Livre*. 2012. № 288. P. 20–35.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 11.

⁶⁵ *Ковалев М. В.* А. В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // *Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сборник научных трудов.* Саратов, 2015. С. 145–146.

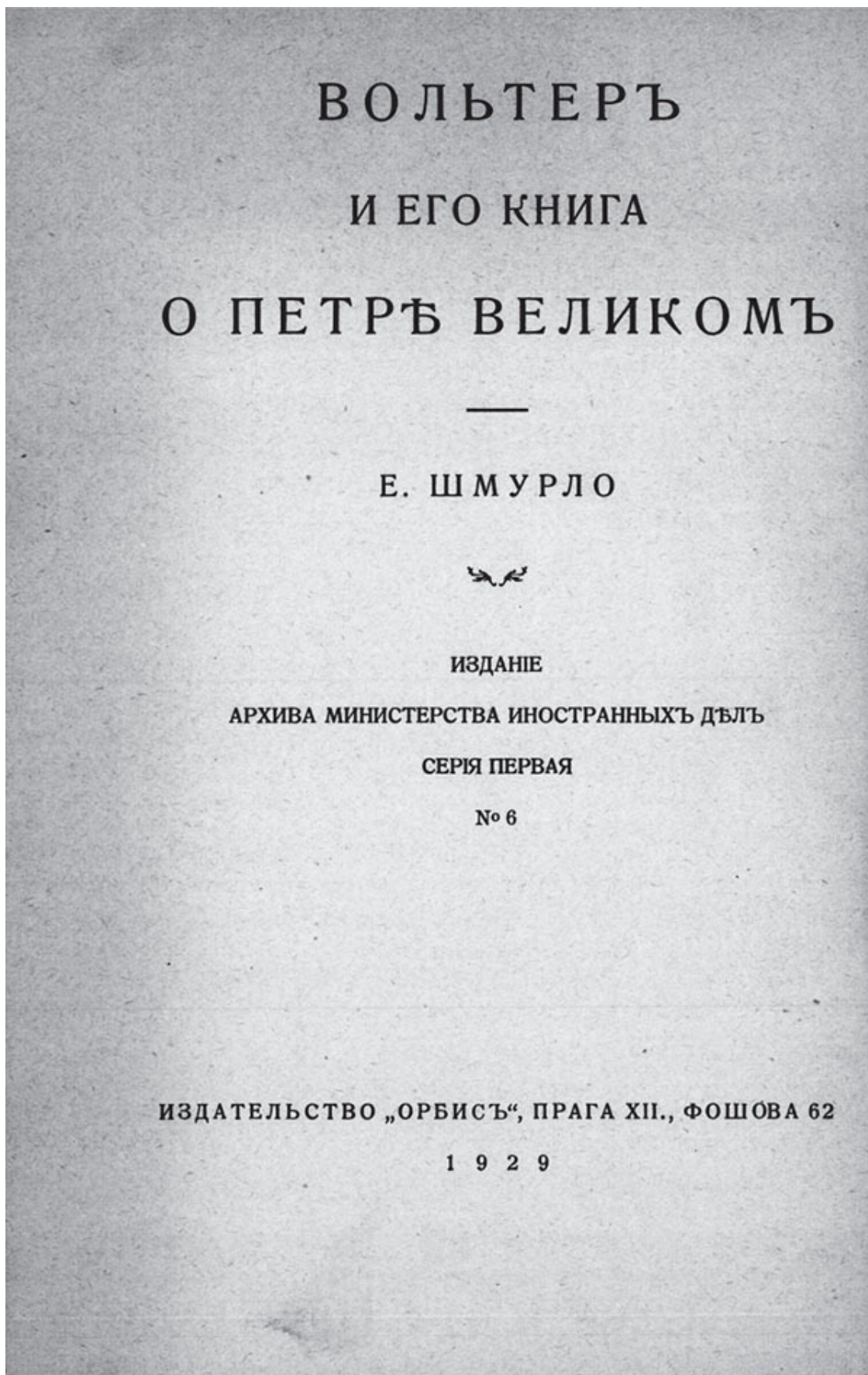
и после Второй мировой войны были переданы в фонды Славянской библиотеки. Там они хранятся до наших дней.

Исследовательские интересы Шмурло в пражский период были сосредоточены в основном вокруг истории дипломатических и политических контактов между Россией и Святым Престолом⁶⁶. В то же время все больше было заметно желание ученого понять идеологическую основу этих отношений. Своими исследованиями Шмурло дал понять, что, несмотря на все противоречия между Москвой и Римом, с середины XVII в. началось их постепенное дипломатическое сближение, движущей силой которого стала нависшая над всей Европой турецкая угроза. В это время сама Россия активизировала контакты с итальянскими государствами, в первую очередь с Венецией, желая найти в их лице союзников. Свидетельством тому служили регулярные русские посольства. Уже в наши дни эти сюжеты активно изучаются в отечественной и в зарубежной историографии⁶⁷.

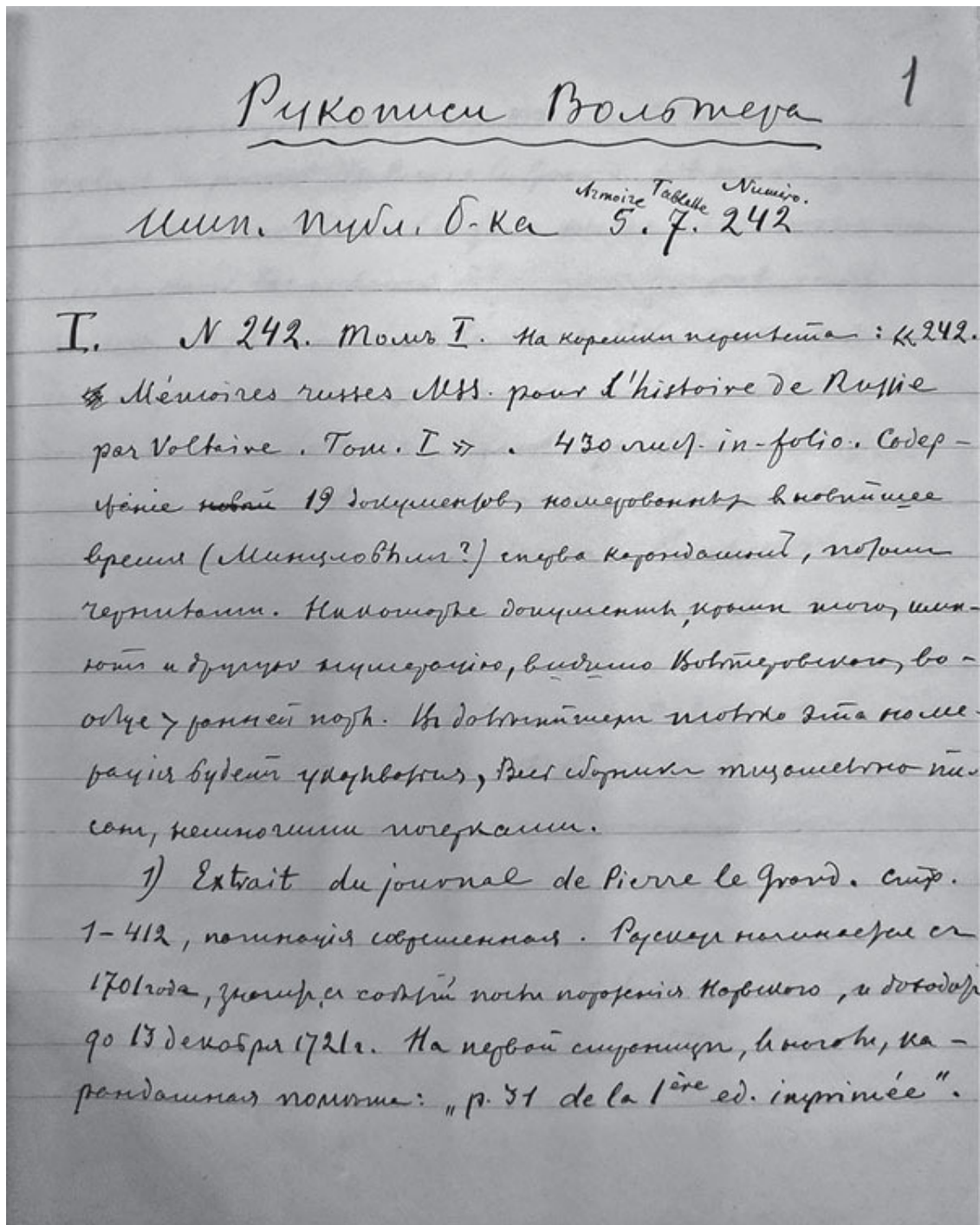
---

⁶⁶ См.: Шмурло Е. Ф. Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928; *Он же*. Русская кандидатура на польский престол в 1667–1669 годах // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (1859–1929). Прага, 1929. С. 263–308; *Он же*. Сношения России с Папским Престолом в царствование Петра Великого (1697–1707) // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 65–111; *Он же*. Посольство Чемоданова и Римская Курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1–25; *Он же*. Мелетий Смотрицкий в его сношениях с Римом // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 501–529; *Он же*. Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // Там же. С. 532–588; *Он же*. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом. 1462–1528 гг. // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 91–136.

⁶⁷ Ястребов А. О. Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695–1722 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 13–23; *Он же*. Страницы русско-венецианской дипломатической переписки 80-х и 90-х годов XVII века // *Ricerche Slavistiche*. 2015. Т. 59. № 13. Р. 205–231; *Он же*. Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 68. № 1. С. 123–140; Карданова Н. В. Профессор Е. Ф. Шмурло – исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 121–124; Hloušková K. Země za zrcadlem: Rusko-italské diplomatické a obchodní vztahy v druhé polovině 17. století. Červený Kostelec; Praha, 2010.

Обложка пражского издания книги Е. Ф. Шмурло

Из материалов Е. Ф. Шмурло в процессе работы над книгой (1910-е гг.). Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 96. Л. 1

В конце XVII в. отношение России к католической церкви начало постепенно меняться. В годы правления Софьи Россия все больше и больше включалась в орбиту европейской политической жизни. Естественно, что сохранять прежнее крайне враждебное отношение к Риму в этих условиях было невыгодно. Важным эпизодом во взаимоотношениях Москвы и Рима стало посольство Б. П. Шереметева в Италию и на Мальту в конце XVII в. Сама эта поездка казалась уже хорошо изученной в исторической науке, тем более что сохранились путевые заметки самого дипломата. Но Е. Ф. Шмурло значительно расширил круг познаний о ней на основе найденных им документов в архивах Венеции, Рима, Неаполя, Мальты, Флоренции и Парижа. Путешествие Шереметева он впервые рассмотрел на фоне политической обстановки в России

в конце XVII в., в рамках всего внешнеполитического курса, сопоставив его с другим уникальным явлением в истории отечественной дипломатии – Великим посольством 1697–1698 гг.

Хорошо известно, что первоначальной целью посольства было создание всехристианской антитурецкой коалиции. Естественно, что ее вдохновителем в Европе мог быть только папа. Это вынуждало Москву идти на контакты с Римом. Еще до революции Евгений Францевич сделал вывод, что изменение отношения к Святому Престолу началось уже в царствование Алексея Михайловича, когда в Рим в 1672 г. из Москвы было послано посольство Павла Менезия⁶⁸. Необходимость налаживания контактов с центром католического мира осознавал и Петр. Поездка Б. П. Шереметева, по мнению историка, как раз и была призвана содействовать укреплению двухсторонних связей. Он подробно описал само путешествие, торжественные приемы Шереметева в Кракове, Вене, Венеции, Риме, сопутствовавший церемониал с приветственными речами, обменом подарками. Особое внимание Шмурло привлекло пребывание русского путешественника в Риме, где он был удостоен аудиенции папы Иннокентия XII. На основании официальных протоколов папской канцелярии историк с точностью восстановил церемонию приема (коленипреклонение перед папой, целование его туфли, вручение привезенных грамот и т. д.). Пребывание в Риме столь высокого гостя далекой православной страны с новой силой поставило вопрос об унии. Б. П. Шереметев настолько умело вел переговоры, что сумел добиться высокого доверия и авторитета, выполнить часть поставленных задач, обходя при этом стороной вопрос о смене веры. Благодаря своей изворотливости, уже на Мальте Шереметев, «оставаясь “схизматиком”, был возведен в рыцари духовного католического ордена, получив горделивое право утверждать, что его заслуги перед христианским миром были настолько велики, что не признать их не могли даже противники по вере...»⁶⁹. Е. Ф. Шмурло полагал, что успехи от поездки превзошли все ожидания. Б. П. Шереметев фактически выполнил миссию Великого посольства, которое в Италию так и не попало.

Работая в Праге, Е. Ф. Шмурло на основе архивных материалов, разысканных им в итальянских архивах, написал ценную работу о дипломатических контактах России с папским престолом в Петровскую эпоху⁷⁰. С результатами своего исследования он выступил в 1929 г. в Белграде на IV съезде Русских академических организаций за границей. Е. Ф. Шмурло был и остается одним из немногих отечественных историков, обратившихся к этой теме, важность которой вряд ли можно оспорить.

Обратим внимание, что продолжение исследовательской работы по петровской тематике в годы эмиграции стало во многом возможным за счет ранее накопленной источниковой базы – выписок и копий материалов из отечественных архивов, часть из которых Шмурло вывозил за рубеж еще до революции 1917 г. для продолжения текущих исследований. Так, Евгений Францевич тщательно исследовал фонды Главного архива Министерства иностранных дел в Москве, собрания рукописного отдела Публичной библиотеки в Петербурге и т. д. Со второй половины 1890-х гг. Е. Ф. Шмурло работал с материалами «Кабинета Петра Великого» в Государственном архиве в Петербурге. Он всегда приветствовал публикации новых российских источников, проливающих свет на неизвестные страницы петровского царствования, часто сопровождая их вдумчивыми рецензиями, носившими характер источниковедческих разборов⁷¹. Е. Ф. Шмурло многократно указывал на необходимость дальнейшего углубления архивных разысканий и публикаторской деятельности⁷².

⁶⁸ См.: Шмурло Е. Ф. Посольство Павла Менезия к папскому двору 1672–1673 гг. // ЖМНП. 1901. № 2. С. 418–454.

⁶⁹ Шмурло Е. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 23.

⁷⁰ Шмурло Е. Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого. С. 65–111.

⁷¹ Шмурло Е. Ф. Рец.: Письма и бумаги Петра Великого. Том первый (1683–1701). СПб., 1887 // ЖМНП. 1889. № 12. С. 102–125; *Он же*. Рец.: Новый свидетель эпохи преобразований (Архив князя Ф. А. Куракина, изд. им под ред. М. И. Семевского. Кн. первая. СПб., 1890) // ЖМНП. 1891. № 1. С. 187–223; *Он же*. Рец.: Письма и бумаги императора Петра

Он всегда выступал как талантливый источниковед. Достаточно привести в пример один из эпизодов еще дореволюционной карьеры. Речь идет о трактовке так называемого «заговора» А. С. Матвеева, стремившегося посадить на трон после смерти Алексея Михайловича Петра, а не Федора. Русские источники обходят эти события совершенным молчанием, о них известно только на основании четырех иностранных свидетельств. В правдоподобности этой версии усомнился еще Г. Ф. Миллер, но именно Шмурло детально проработал ее на основе глубокого источниковедческого анализа. В послании епископа Залуского испанскому нунцию Марескотти, донесении польскому нунцию Мартелли (*Narratio regum*), анонимном рассказе о стрелецком бунте в мае 1682 г. (*Diariusz zabóystwa tyrańského senatorów moskiewskich w stolicy roku 1682 u o obraniu dwóch carów Ioanna u Piotra*)⁷³ и «Описании путешествия польского посольства в Москву в 1678 году», составленном Таннером, содержался рассказ о сговоре А. С. Матвеева и Натальи Кирилловны с целью посадить на престол Петра. Сопоставив сведения этих источников и найдя их явное несоответствие друг другу, Е. Ф. Шмурло пришел к выводу, что версия о готовившемся дворцовом перевороте после смерти Алексея Михайловича носит не исторический, а анекдотический характер. Он установил, что все четыре источника более позднего происхождения, нежели описываемые в них события, более того, они были основаны не на конкретном историческом материале, а на народной молве: «Сведения черпались в значительной степени из ходячих слухов, непроверенных и, вероятно, иной раз Бог знает на чем основанных»⁷⁴. Историк сравнил иноземные свидетельства с материалами из русских источников более раннего времени и современных воцарению Федора и нигде не нашел сведений о «заговоре» А. С. Матвеева в пользу Петра. В подтверждение своей гипотезы Е. Ф. Шмурло привел также описание голландского посольства К. ван Кленка⁷⁵. Голландская миссия находилась в Москве в 1667 г. в момент смерти Алексея Михайловича. Под влиянием непосредственных впечатлений один из голландских дипломатов подробно описал те события, очевидцем которых он стал. В его свидетельствах нет даже намека на возможность дворцовых интриг со стороны А. С. Матвеева. Е. Ф. Шмурло убедительно доказал, что никакой попытки посадить на престол Петра в 1676 г. не было. Выводы Евгения Францевича многократно подтверждались; позднейшие исследователи отмечали, что иностранные свидетельства о «заговоре» А. С. Матвеева появились гораздо позднее описанных в них событий, были основаны на заранее недоуверенной информации и т. д.⁷⁶

В годы жизни на чужбине Евгений Францевич неоднократно выступал как популяризатор знаний о Петре и его эпохе. Показательно его участие в памятных мероприятиях, приуроченных к 200-летию со дня смерти императора. 8 февраля 1925 г. Е. Ф. Шмурло прочел публичную лекцию «Петр Великий и его наследие» в Общественном доме в Праге. В ней ученый говорил: «...Уже двести лет стоит Петр Великий, во весь гигантский свой рост, перед судом истории, двести лет ждет себе приговор, а суд истории, даже теперь, через двести лет, оказывается не на высоте положения и все еще не в силах, как следует, разобраться в великом деянии великого императора, – так велика и разностороння была работа Петра I, такой глубокий след оставила она по себе! Так взволнованно и беспокойно ощущаем мы и по сию

Великого. Том второй. СПб., 1889. Том третий. СПб., 1890 // ЖМНП. 1894. № 11. С. 177–200.

⁷² [Шмурло Е. Ф.] Записка Е. Ф. Шмурло о желательности издания Императорской Академией наук ряда капитальных работ, имеющих целью облегчение и упрочение дальнейших исследований личности и эпохи Императора Петра Великого. I-е приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения 21 марта 1912 г. СПб., 1912.

⁷³ Шмурло Е. Ф. Польский источник о воцарении Петра Великого // ЖМНП. 1902. № 1. С. 425–448.

⁷⁴ Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. XI. «Замыслы» боярина А. С. Матвеева // ЖМНП. 1900. № 10. С. 344.

⁷⁵ *Historish Verhael, of Beschryving van de voyagie, gedaen onder de suite van den Heere Koenraad van Klenk... door een van Sijn Excellencies suite.* Amsterdam, 1677.

⁷⁶ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 16; Хьюз Л. Указ. соч. С. 68–69; и др.

еще пору полет и величавый размах его творческого гения!»⁷⁷ Эти слова хорошо отражали эмоциональный и интеллектуальный настрой собравшейся в зале публики и российской эмиграции в целом. На фоне сложившегося среди русских изгнанников культа великих людей и героизации прошлого Петр занял одно из ведущих мест. Примечательно, что в эмиграции многие прежние критики царя переосмыслили свое отношение к нему. Пожалуй, самым ярким примером служит П. Н. Милоков, некогда выступавший последовательным критиком Петра и его реформ. Тем не менее память об императоре в эмигрантских кругах была множественной и наполненной различными интерпретациями⁷⁸. В конце 1920-х гг. Е. Ф. Шмурло опубликовал серию небольших научно-популярных статей, посвященных отдельным сюжетам истории военно-морского флота России в начале XVIII в. и роли царя-реформатора в ней⁷⁹.

Евгений Францевич вплоть до самой смерти в апреле 1934 г., невзирая на болезни и возраст, продолжал заниматься исследовательской работой. Несмотря на то, что в последние годы жизни он оказался вдали и от России, и от любимой Италии, он смог продолжить прежние работы и завершить многие начинания. Пражский период стал логическим завершением его ученой карьеры. В эмигрантской среде работы Е. Ф. Шмурло пользовались заслуженным уважением. Отдельные свои труды он публиковал на итальянском, немецком, английском и французском языках, что расширяло их читательскую аудиторию.

Широкий круг разнообразных источников говорит об исследовательском мастерстве историка, привыкшего не принимать ничего на веру, не пересказывать факты, а глубоко анализировать и сопоставлять различные свидетельства. В трудах Е. Ф. Шмурло о Петровской эпохе наглядно проявилось влияние петербургской источниковедческой школы. Сам он всегда подчеркивал, что обязан К. Н. Бестужеву-Рюмину «сознанием необходимости критической оценки каждого документа и тщательного его изучения, что одно только дает возможность понять и психологию автора документа, воззрения эпохи»⁸⁰.

Интерес Евгения Францевича к Петру и его эпохе объясняется свойственным ему пониманием исторического процесса. Он видел задачи историка в раскрытии научной истины, добывании «чистого знания». Но на этом пути исследователю приходится постоянно сталкиваться с факторами совершенно особого рода, к коим относятся «ум, воля, желание и побуждения этического характера». Следовательно, по мнению историка, «индивидуальность человеческой воли, человеческого понимания вносят бесконечные вариации, бесчисленные оттенки в жизнь общества...»⁸¹. Именно поэтому Е. Ф. Шмурло глубоко продумал проблему личности в истории, именно поэтому образ царя-реформатора занял столь большое место в его исследованиях.

Петровское время рассматривалось Шмурло как особый этап отечественной истории: «...Мы как будто все еще стоим под обаянием этой эпохи... Дух Петра точно еще веет среди нас, и сам царь не успел стать вполне исторической личностью»⁸². Следовательно, Петровская эпоха воспринималась историком вне отрыва от современности. Он осознавал, что именно в ней лежит ключ к прочтению всего последующего развития России.

⁷⁷ Шмурло Е. Ф. Петр Великий и его наследие. Прага, 1925. С. 1.

⁷⁸ Ковалев М. В. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. № 3. С. 137–140.

⁷⁹ Шмурло Е. Ф. Петр Великий – основатель русского военного флота // Морской журнал. Прага, 1928. № 1. С. 7–9; *Он же*. Месяц январь в жизни Петра Великого // Там же. С. 9–10; *Он же*. Кто был первым адмиралом русского флота // Там же. № 3. С. 6–9; *Он же*. Первое появление Петра Великого на Балтийском море (май 1703 года) // Там же. № 5. С. 5–9; *Он же*. Первые этапы Петра Великого на пути к морю (июнь 1688 г.) // Там же. № 6–7. С. 10–16; *Он же*. Отзыв итальянца о русском флоте 1706 года // Там же. С. 16–17; *Он же*. Петр Великий на Белом море // Там же. № 9. С. 9–11.

⁸⁰ Саханев В. В. Указ. соч. С. 31.

⁸¹ Цит. по: Там же. С. 63.

⁸² Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 57.

Будучи воспитанником генетической школы К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Ф. Шмурло был сторонником органического развития исторического процесса, признавал закономерность событий и явлений. Образ Петра никогда не возвышался у него над всей эпохой; признавая гениальность царя-реформатора, историк вовсе не был склонен рассматривать его появление на троне, его реформаторский курс как нечто необычное, случайное. Личность для него отражает эпоху и сама оказывает на нее влияние. Он полагал, что великие люди совершают в истории не переворот, не насилие, но всегда идут навстречу желаниям своего общества. Поэтому Петровская эпоха представлялась ему закономерным итогом предшествующего развития России.

Петр явился выразителем идей своего бурного времени, выработанных всем ходом развития народной жизни. Массы выражали идеи, а личность воплощала их в жизнь. Е. Ф. Шмурло многократно обращал внимание на духовное родство Петра с тем обществом, в котором он жил и действовал, не пытаясь противопоставить царя и народ.

Один из ключевых принципов исторического метода Евгения Францевича Шмурло – большое внимание к истории идей. Всякая эпоха для него определялась именно сквозь призму идеологических представлений. В его трудах практически нет места экономическим факторам. Историк считал их вторичными по сравнению с проявлениями народного духа⁸³. В центре исторического повествования Шмурло стоит человек. Историк никогда не обвиняет и не оправдывает исторических персонажей, он пытается объяснить лишь их поступки, «психологические мотивы, руководившие ими»⁸⁴. Поэтому и Петр для него – не только самодержец, но в первую очередь яркая и незаурядная личность. Не случайно, что непосредственно реформы Петра освещены автором неглубоко. Вероятно, он и не ставил перед собой такой задачи. И только на страницах учебника по истории России, написанного для эмигрантской молодежи в 1922 г., он специально остановился на преобразованиях царя. Но здесь автор ограничился учебными задачами и познавательными способностями учащихся, поэтому картина преобразований получилась у него схематичной, хотя и хорошо отражающей истинное положение вещей.

Е. Ф. Шмурло всегда подчеркивал неисчерпаемость петровской тематики. Он был горячим поклонником царя-реформатора и никогда не разделял его беспощадной критики П. Н. Милюковым. Вместе с тем историк не закрывал глаза на недостатки самодержца, не стремился затушевать их. Для него неприемлема петровская жестокость, но вместе с тем ему чужда позиция тех современников и потомков Петра, которые «далеко не все умели за этой ненужной жестокостью разглядеть горячую любовь царя к России и простить ему его зло за тот гигантский, самоотверженный труд, какой он вложил в свое дело, руководствуясь желанием, одной мыслью – благом и пользой своей страны»⁸⁵.

Примечательно, что параллельно с Е. Ф. Шмурло над петровской тематикой работал М. М. Богословский. Оба историка вели исследования независимо друг от друга. Капитальный труд Богословского «Петр I. Материалы для биографии»⁸⁶ писался в 1920-е гг., но остался незаконченным и был опубликован только в 1940-е гг. В это же время Шмурло, находясь в эмиграции, предпринял попытку обобщить огромный, накопленный за многие годы материал в специальном труде о Петре и его времени, который, как указывалось выше, так и не был напечатан. М. М. Богословский многократно ссылался на труды своего коллеги. К сожалению, пока неизвестно, располагал ли живший на чужбине Шмурло какими-либо сведениями о той работе, которую вел Богословский в СССР. Несмотря на некоторые отличия в подходах двух

---

⁸³ Фатеев А. Н. Указ. соч. С. 11; Саханов В. В. Указ. соч. С. 68–69.

⁸⁴ Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. V. Поездка Петра Великого за границу в 1697 г. // ЖМНП. 1900. № 5. С. 94.

⁸⁵ Шмурло Е. Ф. История России. 862–1917. М., 2001. С. 363.

⁸⁶ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940–1948. Т. I–V.

историков, в методах их научных изысканий, на различие их исследовательских задач, в основном они пришли к идентичным выводам.

Евгений Францевич Шмурло так и не написал законченной истории петровского царствования. Хронологически в своих исследованиях он доходил до 1705–1707 гг. Остальной период правления царя-реформатора в специальных работах рассмотрен не был, а был только очерчен на страницах учебника для эмигрантской молодежи. Но, несмотря на это, вклад Е. Ф. Шмурло в изучение данной темы более чем значителен. Он не ставил в центр своего повествования одного лишь Петра, как это делали многие официальные историки, но и не заслонял образ царя народными массами, как это делали марксисты. Большое место в своих работах Шмурло уделили рассмотрению того, что сегодня принято называть коллективными представлениями эпохи.

Несомненной заслугой Евгения Францевича Шмурло стало вовлечение в научный оборот массы до этого неизвестных источников, обнаруженных им во время командировок по России и Европе. Он оставил нам около сорока статей, несколько монографий, посвященных Петровской эпохе, которые без всякого сомнения заслуживают внимания исследователей и требуют переиздания в современной России.

* * *

Как уже отмечалось, собственно историческое и источниковедческое изучение эпохи реформ в трудах Е. Ф. Шмурло шло параллельно с исследованием литературы о Петре I. Памятуя о вводном характере настоящей статьи, обратим особое внимание на этот аспект научного творчества ученого, блестящим завершением которого была книга о вольтеровской «Истории» Петра I.

Первый опыт историко-библиографического обзора литературы о Петре Великом был опубликован Е. Ф. Шмурло в 1889 г.⁸⁷ К этому времени историография темы значительно пополнилась изданиями, вышедшими в связи с 200-летним юбилеем Петра I. Как справедливо заметил автор, возникла необходимость подвести некоторые итоги, чтобы двигаться дальше. Уже в ранней работе исследователь выделил основные этапы в эволюции отношения русского общества к петровским реформам и в научном изучении темы. Периодизация строилась по царствованиям, что в общем-то адекватно отражало изменения в эволюции темы, долго сохранявшей политическую актуальность. Как наиболее плодотворные эпохи выделялись елизаветинское время, а также царствования Екатерины II и Николая I.

Всех авторов, высказавшихся о Петре I, Шмурло, вслед за своим учителем К. Н. Бестужевым-Рюминым, просто поделил на сторонников и противников реформ⁸⁸. Лишь в екатерининское время, по его мнению, стал зарождаться исторический, аналитический взгляд на реформатора и его эпоху, который уже предполагал неоднозначность оценки. Споры западников и славянофилов о Петре вывели тему на мировоззренческий уровень, однако высветили слабое знакомство спорящих сторон с историческими фактами. Этот недостаток стал преодолеваться благодаря трудам историков середины XIX в., в первую очередь – С. М. Соловьева, который на огромном фактическом материале сумел показать петровские реформы как органическое, национальное явление русской истории. Двухсотлетний юбилей Петра I, по мнению Е. Ф. Шмурло, обострил вековые споры и высветил не только величие, но и неприглядные стороны личности реформатора. В работе 1889 г. автор не уделил большого внимания народ-

---

⁸⁷ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе. (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 57–125; № 8. С. 305–375. Отдельно: СПб., 1889.

⁸⁸ См.: Бестужев-Рюмин К. Н. Причины различных взглядов на Петра I в русской науке и русском обществе // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 6. С. 149–156.

ному взгляду на реформатора. Характерно, что под народом Е. Ф. Шмурло понимал все слои русского общества, всех носителей неофициальных, стихийно сформировавшихся мнений.

Свой первый опыт историко-библиографического обзора автор разделил на две части, посвященные, соответственно, эволюции общего взгляда на петровские реформы и их историческому изучению. Такое разделение выглядит искусственным, поскольку историография темы (особенно в XVIII в.) была неразрывно связана с общественно-политической мыслью.

Характеристика исторических работ о Петровской эпохе открывается обзором трудов современников: «Истории Свейской войны», сочинений Г. Гюйсена, П. П. Шафирова, Феофана Прокоповича. В ранней работе Е. Ф. Шмурло сомневался, как оценить «исторические» описания П. Н. Крекшина – как собрание легенд и мифов или как литературную выдумку. Отмечая подъем исторической работы во второй половине XVIII в., автор кратко описал труды и публикации Ф. О. Туманского, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, особо выделил «грандиозный труд» И. И. Голикова. Подчеркнув попытки написания истории петровского времени, предпринятые А. С. Пушкиным, Н. А. Полевым, Н. Г. Устряловым, к остальным изданиям первой половины XIX в. Шмурло применил «проблемный» подход, перечисляя публикации по истории законодательства, финансов, промышленности, сельского хозяйства, культуры, а также труды по военной истории. Поскольку с середины XIX в. количество публикаций о Петре I росло лавинообразно, автор в заключительной части своей работы дал лишь краткие критические оценки вкладу С. М. Соловьева, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова, А. Г. Брикнера в изучение Петровской эпохи и назвал наиболее важные издания источников. Исследователь констатировал незавершенность изучения петровских реформ, признал, что в этой области «предстоит еще немало работы».

Впоследствии Евгений Францевич кардинально переработал свой историографический труд, однако ограничился лишь материалом XVIII в. Хотя история изучения личности и деятельности Петра I в России XIX в. была предметом изучения в работах новейшего времени⁸⁹, скрупулезный историко-библиографический обзор литературы первой половины и середины XIX в., предпринятый Е. Ф. Шмурло в работе 1889 г., до сих пор не утратил своего научного значения.

О том, что ранняя работа историка повлияла на сознание современников, свидетельствует тот факт, что на ее материале А. А. Кизеветтер предпринял попытку связать взгляды на петровские реформы с явлениями общественно-политической мысли и политической практики, восполняя это упущение своего предшественника⁹⁰. В рецензиях В. А. Мякотина⁹¹ и А. Н. Пыпина⁹² при общей высокой оценке работы Е. Ф. Шмурло отмечалось недостаточное внимание автора к народным воззрениям на Петра I.

В последующие годы Евгений Францевич продолжил работу по изучению литературы о Петре I и его эпохе, хотя, как он сам замечал, «не мог всецело посвятить себя этому труду, отдавая ему лишь урывками». Опубликованное сначала в журнале, а затем в 1912 г. в виде отдельной книги исследование «Петр Великий в оценке современников и потомства»⁹³ явилось полной переработкой публикации 1889 г., результатом кропотливых библиографических и источниковедческих изысканий в малоизученной литературе XVIII в., затрагивающей пет-

⁸⁹ Соловьев Е. А. Петр Первый: Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века). М., 2009; Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. С. 234–285.

⁹⁰ См.: Кизеветтер А. А. Реформа Петра I в сознании русского общества // Русское богатство. 1889. № 10. С. 20–46.

⁹¹ См.: М[якотин] В. [А]. Е. Шмурло. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889 // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 655–657.

⁹² См.: Пыпин А. Н. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора). Е. Шмурло. СПб., 1889 // Вестник Европы. 1889. Т. 139. Кн. 10. С. 843–845.

⁹³ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Выпуск I (XVIII век) // ЖМНП. 1911. № 10. С. 316–340; № 11. С. 1–37; № 12. С. 201–273; 1912. № 5. С. 1–40; № 6. С. 193–259. Отдельно: СПб., 1912.

ровскую тему. Изменилась структура работы, значительно обогатился научный аппарат, появились указатели. Автор сожалел, что не мог довести свой труд до середины XIX в., когда совершилась принципиальная смена представлений о Петровской эпохе. Начало XIX в., до которого он довел повествование, представлялось ему гранью случайной. В оправдание историка отметим, что грань эта не столь уж малозначительна: Французская революция и наполеоновская эпопея заслонили в глазах европейского общества фигуру Петра I – «творца новой нации», героя своего века, а в самой России труды М. М. Сперанского и Н. М. Карамзина изменяли представления о методах реформ и позволяли взглянуть на деятельность царя в иной исторической перспективе.

Автор более не разделял рассмотрение общественных откликов на петровские новшества и исследование исторических трудов. Он показывал историко-публицистические труды петровского времени как попытку царя доказать русскому обществу правоту своего дела, сохранить для потомков память о важнейших событиях своего времени. Е. Ф. Шмурло отмечал особую роль Петра I в составлении «Истории Свейской войны»: «государь сам положил начало истории своего времени»⁹⁴. Характеризуя «Историю Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии», традиционно приписываемую авторству Феофана Прокоповича, автор подробно остановился на вопросе, можно ли считать Феофана автором этого сочинения, привел аргументы «за» и «против». Изучение содержания и источников «Истории» и обращение к ее рукописному оригиналу позволило одному из авторов данной статьи уточнить датировку этого исторического труда и высказать дополнительные соображения в пользу его принадлежности Феофану⁹⁵. Нельзя согласиться с утверждением Е. Ф. Шмурло, что труд Прокоповича – это лишь сокращенный пересказ одной из редакций «Истории Свейской войны». Все указанные историком параллели восходят к их общему источнику – «Журналу государя Петра I» Г. Гюйсена, источниковедческое значение которого, кстати, высоко оценивалось Евгением Францевичем.

Как бы отвечая на замечания своих рецензентов, Е. Ф. Шмурло целую главу посвятил «гласу народа» – народным откликам на петровские реформы. Яркие подтверждения «народной ненависти» к Петру I и его делу исследователь находил в лубочных сатирических картинах и в писаниях о царе-антихристе, вышедших главным образом из старообрядческих кругов. Однако новое разностороннее изучение гравюры «Как мыши kota погребают» убедительно опровергло мнение, будто она является сатирическим изображением похорон Петра I, и приблизило это явление народного искусства к пародийным смеховым затеям самого царя⁹⁶. Не вполне корректным представляется отождествление старообрядческих толков и писаний с народным мнением. Они, несомненно, выражали народное недовольство, но, строго говоря, принадлежали не народной «низовой» культуре, а письменной традиции, уходящей корнями в Средневековье. Прежде всего они отражали культурный раскол, произошедший в русском обществе. Фольклорный образ Петра I оказался более позитивным, на что указывалось и в работе Е. Ф. Шмурло, пришедшего к выводу, что в сознании народном «на личности могучего императора не лежит ни одного упрека». Однако уже на следующей странице историк заявлял, что взгляд «массы народной» на личность Петра оказался по существу отрицательным и не менялся на протяжении следующих столетий⁹⁷. В этом противоречии отразилась и

⁹⁴ Современную версию истории составления «Истории» под руководством Петра I см.: *Майкова Т. С.* История создания «Истории Свейской войны» // История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 15–45.

⁹⁵ См.: *Мезин С. А.* «История Петра Великого» Феофана Прокоповича // Русская литература. 2000. № 2. С. 158–166.

⁹⁶ *Алексеева М. А.* Гравюра на дереве «Мыши kota на погост волокут» – памятник русского народного творчества конца XVII – нач. XVIII в. // XVIII век: Сб. 14. Л., 1983. С. 45–79.

⁹⁷ *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 30, 3 1.

неоднозначность народного отношения к Петру, и незавершенность размышлений историка по поводу «гласа народа».

Рассмотрение эволюции петровской темы в русском обществе 1725–1762 гг. автор начал с откликов на смерть императора. К числу современников-сторонников реформ, чьи голоса слились в скорбном плаче (И. И. Неплюев, А. А. Матвеев, В. К. Третьяковский, А. Д. Кантемир, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский и др.), Е. Ф. Шмурло относил и царского токаря А. К. Нартова. Приписанные ему «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» до последнего времени рассматривались как достоверный источник первой трети XVIII в. Правда, историк учел доказательства Л. Н. Майкова по поводу того, что царскому токарю могло принадлежать лишь около половины рассказов, которые внушают к себе «большое доверие». Однако исследования последних лет показали, что «рассказы» Нартова являются литературной мистификацией, художественным произведением в жанре анекдотов, созданным сыном токаря А. А. Нартовым в конце XVIII в.⁹⁸

Период от смерти Петра I до воцарения Елизаветы Петровны Е. Ф. Шмурло характеризовал как время «жалких эпигонов», предавших «национальный интерес» и отошедших от петровских «заветов». Таким образом исследователь оказался в плену «пропаганды» елизаветинского времени и стойкого историографического мифа об «иностранным засилье». В новейших работах Е. В. Анисимова, А. Б. Каменского, Н. Н. Петрухинцева, Ф. Штеллнера показано, что названный период не был отмечен принципиальным отходом от петровских политических принципов, а стоявшие около трона «русские» немцы не торговали национальными интересами.

Елизаветинское царствование, ознаменовавшееся поэтическими панегириками и проповедями, прославлявшими Петра Великого, как верно заметил Е. Ф. Шмурло, мало продвинулось в деле написания истории петровского времени. В своей новой работе историк уделил немало внимания курьезной фигуре П. Н. Крекшина, претендовавшего на роль биографа первого императора в середине XVIII ст. Попытка выяснить, что же сделал Крекшин для написания истории Петра I, и знакомство с рукописями этого автора привели Шмурло к выводу, что этот «историк» был «баснословцем» и наивным невежей, суевером, воспитанным на астрологических бреднях, убежденно искавшим в Св. Писании указаний о Петре и грядущей славе России. Впрочем, этот писатель своими выдумками еще долго вводил в заблуждение историков петровского времени⁹⁹.

Отсутствие истории Петра Великого на русском языке побуждало отечественных читателей обращаться к трудам европейских авторов, которые не только прославили русского царя как главного героя своего века, но и составили ряд его биографий (Ж. Руссе де Мисси, А. Катифоро, Е. Мовийон), охарактеризованных Шмурло как «посредственные компиляции». Среди европейских историков Петра I по уровню таланта и известности выделялся Вольтер. Его «Истории Российской империи при Петре Великом» Шмурло посвятил в работе 1912 г. десятки весьма содержательных страниц.

Общественная мысль екатерининского времени, по мнению Евгения Францевича, отличалась не только преклонением перед гением Петра, но и началом критики его личности и дела. Тон в общественном мнении пыталась задавать сама императрица, в отношении которой

⁹⁸ См.: *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста рукописи и приложений, вступительная статья П. А. Кротова. СПб., 2001; *Мезин С. А.* Об источниковедческом значении рассказов Нартова о Петре Великом // *Историографический сборник*. Вып. 26. Саратов, 2016. С. 13–22.

⁹⁹ См.: *Мезин С. А.* Первый биограф Петра Великого Петр Никифорович Крекшин // *Труды государственного Эрмитажа*. Т. 43: Петровское время в лицах – 2008: к 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 169–176; *Он же.* О первых историках Петра Великого (заметки на полях современных изданий) // *История Петербурга*. 2009. № 1 (47). С. 89–94; *Кротов П. А.* П. Н. Крекшин и сотворение мифов о Полтавской битве // *Кротов П. А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 301–344.

к Петру историк обнаруживал обе отмеченные тенденции¹⁰⁰. Среди европеизованных русских авторов, которые выступали в защиту допетровской старины, Е. Ф. Шмурло отмечает автора «Мыслей о России». С этим написанным на французском языке сочинением¹⁰¹ он ознакомился в сокращенном русском переводе и ошибочно приписывал его известному любителю старины графу А. И. Мусину-Пушкину. На самом деле оно принадлежало перу А. В. Нарышкина, который в свое время был приятелем и собеседником Дидро¹⁰². Русская мысль в это время развивалась в рамках европейского Просвещения, а потому немало страниц Е. Ф. Шмурло уделил рассмотрению взглядов французских просветителей (Фонтенеля, Монтескье, Руссо, Мабли, Дидро, Кондильяка и др.) на преобразователя России¹⁰³. Отзвуки их мыслей находятся в критических высказываниях И. Н. Болтина и Е. Р. Дашковой, в которых Шмурло усматривал и русскую специфику, но не обращал внимания на то, что отечественные авторы выхолащивали острый социальный смысл просветительской критики Петра. Начало подлинно исторической критики Петра I, «проблески научного понимания преобразователя России» Е. Ф. Шмурло справедливо связывал с исторической публицистикой А. Н. Радищева и М. М. Щербатова, но опять же не обращал внимания на различие их общественных позиций.

Заключительная глава книги Е. Ф. Шмурло 1912 г. посвящена рассмотрению исторических трудов о Петре Великом, опубликованных в царствование Екатерины II. Автор отмечал значительные успехи историографии в этой области – появление обобщающих и специальных трудов по истории петровского времени, отвечающих научным требованиям того времени, значительные успехи в деле публикации исторических источников. Исследователь отдает должное И. И. Голикову – автору «Деяний Петра Великого» и «Дополнения» к ним – «самого главного и наиболее важного труда о Петре Великом» второй половины XVIII в., заложившего прочный фундамент для последующей историографии петровского времени. Однако исследователь, кажется, слишком доверчиво отнесся к уничижительным самооценкам Голикова и не заметил, как в ходе работы над материалами петровского времени у автора «Деяний» стал формироваться критический подход к источникам¹⁰⁴. Скрупулезный исследователь и библиограф, Е. Ф. Шмурло охарактеризовал вклад Ф. О. Туманского, Н. И. Новикова, М. М. Щербатова, Г. Ф. Миллера в дело публикации исторических источников, высоко оценил специальные статьи последнего, посвященные частным вопросам истории петровского времени, представил переводные биографии царя-реформатора¹⁰⁵, не упустил из вида феномена «анекдотов» о нем, учел самые редкие и незначительные публикации о Петре и его эпохе.

Хотя более чем за сто лет, прошедших с момента публикации книги Е. Ф. Шмурло, в России и за рубежом появилось немало работ, посвященных различным аспектам поднятой историком темы¹⁰⁶, его труд до сих пор не утратил научного значения. Несмотря на некоторые недостатки исследования Шмурло, отмеченные его рецензентами¹⁰⁷, несмотря на то, что опубли-

¹⁰⁰ См.: *Rasmussen K. M. Catherine II and the Image of Peter I // Slavic Review. 1978. Vol. 37. № 1. P. 51–69; Мезин С. А. Екатерина II о Петре I // «PETRO primo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб., 2017. С. 81–92.*

¹⁰¹ *Narychkine A. V. Renseignements sur la Russie. Riga, 1792; Idem. Quelques idées de passé-tems. Riga, 1792.*

¹⁰² *Мезин С. А. Дидро и цивилизация России. М., 2018. С. 204–212.*

¹⁰³ Эта тема нашла продолжение в ряде работ: *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 22–76; Wilberger C. H. Peter the Great: an eighteenth-century hero of our times? // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1972. Vol. XCVI. P. 9–127; Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.*

¹⁰⁴ См.: *Мезин С. А. Русский историк И. И. Голиков. Саратов, 1991.*

¹⁰⁵ По давней традиции Е. Ф. Шмурло приписал авторство книги «Житие и славные дела императора Петра Великого» ее издателю Д. Феодозии (Теодосие). На самом деле это был труд сербского автора З. Орфелина. См.: *Лециловская И. И. Идеи монархизма в сербском Просвещении // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 218–221.*

¹⁰⁶ См., например: *Riasanovsky N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York, 1985.*

¹⁰⁷ Автора обвиняли в отсутствии политического и социального подхода к литературе. См.: рецензии Б. И. Сыромятникова (Голос минувшего. 1913. № 8. С. 282–286) и Н. А. Рожкова (Современный мир. 1913. № 5).

ликованы специальные работы о взглядах И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. И. Голикова, развивающие и уточняющие наблюдения историка столетней давности, несмотря на появление современных публикаций и новых атрибуций сочинений XVIII в. о Петре I, – книга «Петр Великий в оценке современников и потомства» остается непревзойденной по полноте и охвату «петровских» материалов XVIII ст. Она поныне служит библиографическим путеводителем не только по литературе XVIII в. о Петре I, но и по архивным материалам, связанным с историографией великого реформатора, и до сих пор облегчает изучение Петровской эпохи.

В своей работе 1889 г. Шмурло лишь случайно упомянул имя Вольтера и вовсе не обратил внимания на его «Историю» Петра I. В следующей работе труд Вольтера занял подобающее место. История создания книги Вольтера, особенности ее замысла и проблематики, источники, положенные в ее основу, наконец, реакция русских современников на труд французского просветителя – все эти вопросы были уже поставлены и нашли оригинальное освещение в книге Шмурло 1912 г. В 1929 г., будучи уже в эмиграции, историк блестяще завершил серию своих трудов по историографии Петра Великого монографией «Вольтер и его книга о Петре Великом»¹⁰⁸. Она была издана при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии. Обширные авторские познания и глубина раскрытия темы были соединены с блестящим литературным изложением, что превратило работу Е. Ф. Шмурло в увлекательное научное повествование. Многие ее страницы (например, описание условий жизни и творчества Вольтера в Делис на берегу Женевского озера) отмечены несомненным художественным талантом.

Книгу Вольтера нельзя было назвать безвестной для русской историографии¹⁰⁹. И все же путь ее к читателю был тернистым, что предопределило некоторую отрывочность и фрагментарность интеллектуальных рефлексий. Показательно, что, с момента появления в 1809 г. неполного и вольного перевода вольтеровского труда на русский язык¹¹⁰, его полный квалифицированный перевод на русский не состоялся. Труд Е. Ф. Шмурло в полной мере отражал в себе глубокое внимание историка к образам царя-реформатора в российской и европейской интеллектуальной культуре. Вместе с тем он смыкался и с авторским интересом к русско-французским связям¹¹¹.

В этой работе мы находим самую полную для того времени историю создания труда Вольтера о Петре I (поныне – самую полную на русском языке). При этом вольтеровская «История Российской империи» была подвергнута острому критическому анализу, который выдает в авторе монографии одного из крупнейших знатоков не только истории петровского времени, но и всего XVIII в. В своей критике «Истории Российской империи при Петре Великом» Е. Ф. Шмурло, кажется, не избежал некоторых перегибов и противоречий. Уже в первых строках он характеризует ее как «случайный и далеко не первостепенный эпизод из литературной деятельности Вольтера»¹¹². Даже признавая, что вольтеровская история Петра I по своим литературным и научным качествам уступает другим историческим сочинениям великого француза (ко времени написания истории Петра Вольтер уже был автором «Истории Карла XII», «Века Людовика XIV» и грандиозного «Опыт о нравах и духе народов»), нельзя согласиться с оценкой этого труда как «случайного». Вольтер отнюдь не лукавил, когда писал в ответ на предложение русской стороны взяться за работу: «Вы предлагаете мне то, к чему я стремился

¹⁰⁸ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

¹⁰⁹ См. подробнее об этом: Платонова Н. С. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом»: новые материалы // Литературное наследство. 1939. Т. 33. С. 1–24; Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 13–56; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 110–112.

¹¹⁰ [Вольтер]. История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная гм. Волтером. М., 1809.

¹¹¹ Так, в рукописном собрании Е. Ф. Шмурло в Славянской библиотеке в Праге имеется несколько папок выписок и заметок по истории двухсторонних взаимоотношений XVIII в. (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. T-A 2044/565–582).

¹¹² Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 1.

тридцать лет»¹¹³. В дальнейшем изложении сам исследователь показал, как долго Вольтер шел к написанию истории Петра I, какие серьезные и новаторские задачи ставил он перед собой в этом сочинении. Современный исследователь и издатель вольтеровской истории Петра I М. Мерво утверждает, что «этот труд, будучи результатом важной работы с документами, свидетельствует о реальном введении в оборот новой информации и показывает одновременно исторический метод и философские убеждения Вольтера»¹¹⁴.

Евгений Францевич постоянно подчеркивал, что Вольтеру в изложении истории России далеко не всегда удавалось подняться до уровня поставленных задач: он не показал связного хода событий, не передал сам дух преобразований, не удался Вольтеру, по мнению исследователя, и образ Петра I. «Вольтер не историк, а просто хороший исторический рассказчик», – выносил свой приговор Е. Ф. Шмурло. Однако в то же время он признавал, что в труде Вольтера «события русского прошлого... впервые изложены исторически, своим трудом автор первый открывал ряд действительно исторических сочинений о России»¹¹⁵.

В центре внимания исследователя находился вопрос о сотрудничестве и полемике французского писателя с петербургскими академиками. В авторском изложении этого сюжета мастерски раскрывается личность Вольтера, «проникнутого сознанием своего царственного положения в литературе, ревниво оберегающего свою славу и с высоты величия пренебрежительно третирующего меньшую братию, допуская одно только раболепное восхищение и фимиам по своему адресу и никакой критики, никакого противоречия»¹¹⁶.

Новаторская задача ученого состояла в том, чтобы пролить свет на взаимоотношения французского просветителя и его русских заказчиков, оценить восприятие его работы русскими критиками, прежде всего Г. Ф. Миллером и М. В. Ломоносовым. Потому важной частью книги Е. Ф. Шмурло, помимо глубокого исследовательского текста, стала публикация документальных приложений. Е. Ф. Шмурло впервые представил ответы на вопросы Вольтера, которые тот посылал в Петербург по ходу своей работы, а также критические замечания на его труд. Историка интересовало, какой материал направляли Вольтеру из России, какие требования предъявляли к нему как к автору, в чем петербургские академики поучали Вольтера, как вели они полемику с ним и, в конце концов, как французский просветитель использовал присланные ему сведения¹¹⁷. Особенно примечательны в этом плане довольно резкие ремарки Г. Ф. Миллера, которые он составлял для Академии наук, а та, в свою очередь, дополняла их и, облекая в более мягкую форму, пересылала Вольтеру. Е. Ф. Шмурло по этому поводу справедливо замечал: «Академия старалась тщательно избегать всего, что могло бы шокировать щекотливый слух самолюбивого автора “Истории России при Петре Великом”»¹¹⁸. Эта критика была особенно интересна для ученого, поскольку он считал, что конфликт между Вольтером и заказчиками труда о царе-реформаторе был изначально предопределен¹¹⁹.

Разумеется, возможности Шмурло были сильно ограничены его эмигрантским статусом, невозможностью в ходе работы обратиться к архивным и библиотечным коллекциям, оставшимся на Родине. Так, он оказался оторван от вольтеровской библиотеки, которая, по признанию многих исследователей, была способна пролить новый свет на отношение француз-

¹¹³ *Voltaire*. Correspondence and related documents. Definitive edition by Theodore Bester-man. T. 17 // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Oxford, 1971. T. 101. № 7169. P. 461.

¹¹⁴ *Mervaud M.* Introduction // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Vol. 46–47. Oxford, 1999. P. 247.

¹¹⁵ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 112, 125.

¹¹⁶ Там же. С. 2.

¹¹⁷ См., например, подготовительные материалы ученого: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 58.

¹¹⁸ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 212.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

ского писателя к России и ее истории¹²⁰. Эту задачу уже в 1970-х гг. решала в своих работах Л. Л. Альбина¹²¹. Е. Ф. Шмурло приходилось иметь дело лишь с тем материалом, который он успел собрать до революции и который хранил за границей.

В личном фонде Е. Ф. Шмурло в Государственном архиве Российской Федерации сохранились рабочие материалы историка, которые хорошо демонстрируют, что сбор сведений для книги начался задолго до революции. Это и библиография литературы о Вольтере, и выписки из его собрания сочинений, касающиеся России¹²². Там же сохранились и сделанные им выписки из архивных источников, включая Портфели Г. Ф. Миллера в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и Бумаги Вольтера в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге¹²³. Эти архивные материалы были кратко описаны Р. И. Минцловым¹²⁴. Были известны они и финскому историку Й. В. Ронимусу, который в 1890 г. защитил диссертацию о взглядах Вольтера на Петра Великого¹²⁵. Е. Ф. Шмурло это исследование хорошо знал, но отмечал, что коллега не пошел дальше внешнего ознакомления с вольтеровскими материалами Публичной библиотеки¹²⁶.

В книге Е. Ф. Шмурло имеются ошибочные высказывания и неточности, связанные главным образом с состоянием источниковой базы на тот период. В частности, автору не были известны ответные письма И. И. Шувалова Вольтеру, без которых невозможно проследить последовательно за ходом работ над «Историей». Эти послания, полагал исследователь, «пропали или лежат где-нибудь под спудом»¹²⁷. Между тем в первом издании первого тома своего труда Вольтер сообщал читателям, что «все, что мне писал» Шувалов, «я поместил в публичную библиотеку Женевы»¹²⁸. В настоящее время в академическом издании переписки Вольтера, осуществленном Т. Бестерманом, опубликовано 46 писем Шувалова, хранящихся в Национальной библиотеке Франции в Париже и в Вольтеровской коллекции графа Лонуа в составе Королевской библиотеки в Брюсселе (KBR).

Шмурло неоправданно утверждал, что официальное предложение заняться написанием истории Петра Великого было передано Вольтеру через русского посланника в Париже графа М. П. Бестужева-Рюмина¹²⁹. Эта ошибка, по-видимому, проистекала из неверной атрибуции в издании Л. Молана письма Вольтера от 19 февраля 1757 г., в котором он выражал свое согласие взяться за работу. На самом деле инициатор всего предприятия И. И. Шувалов обратился к российскому поверенному в делах при версальском дворе Ф. Д. Бехтееву, который в свою очередь поручил находившемуся в Женеве на лечении дипломату Ф. П. Веселовскому передать просьбу Вольтеру. Письменное согласие знаменитого автора было адресовано именно Федору Павловичу Веселовскому, а не Бестужеву¹³⁰. А упомянутый далее в работе Шмурло Веселовский, якобы «заезжавший к Вольтеру в Делис»¹³¹, — это брат Федора Павловича Авраам Павлович Веселовский, постоянно проживавший в Женеве русский невозвращенец, помогавший просветителю в работе над «Историей». Необоснованным является предположение

¹²⁰ *Люблинский В. С.* Вольтер в советских фондах // Вольтер. М.; Л., 1948. С. 328.

¹²¹ *Альбина Л. Л.* Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Вып. 2. Л., 1980. С. 153–170.

¹²² ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 94, 95, 102, 105.

¹²³ ГАРФ. Ф. 5986. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–19; Д. 97. Л. 2–14.

¹²⁴ *Мицлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.

¹²⁵ *Ronimus J. W.* Voltaire som Peter den Stores historieskrifvare. Wiborg, 1890.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 91. Л. 7; Д. 105. Л. 27–33.

¹²⁷ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 3.

¹²⁸ [Voltaire]. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'Auteur de l'histoire de Charles XII. T. 1. S. 1., 1759. P. 23–24.

¹²⁹ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 42.

¹³⁰ Best. D 7169.

¹³¹ *Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 48.

Е. Ф. Шмурло, что первое издание первого тома «Истории» 1759 г. уже было подвергнуто переделке под влиянием критики из Петербурга¹³². В действительности Вольтеру удалось избежать русской «цензуры» при выпуске в свет первой книги.

Нет необходимости пересказывать здесь основные сюжеты монографии, которая далее предлагается читателям. Однако поскольку Е. Ф. Шмурло не дал названий главам своего труда, поясним содержание ее частей. В первой главе находит освещение двадцатилетний «подготовительный фазис», долгий путь Вольтера к написанию истории Петра I, описываются первые контакты философа с русским двором и Петербургской академией наук вплоть до официального предложения написать историю Петра Великого, поступившего в начале 1757 г. Вторая глава касается собственно истории написания труда Вольтера, которая реконструируется по материалам переписки великого просветителя. Здесь раскрываются творческие планы писателя, излагается ход работы над «Историей Российской империи» до ее появления в печати. В третьей главе Е. Ф. Шмурло анализирует содержание «Истории», показывает специфику этого вольтеровского труда. Наконец, в четвертой главе раскрывается суть и содержание полемики Вольтера с его петербургскими помощниками и критиками. Главным образом в этой части работы использованы уникальные архивные источники, которые историк сделал достоянием мирового вольтероведения. Кроме документального приложения книга содержит также свод ошибок Вольтера, отмеченных его критиками, с указанием тех из них, которые Вольтер исправил, и тех, которые оставил без внимания.

Труд Е. Ф. Шмурло получил благожелательные отклики среди современников¹³³. Не забывали о нем и следующие поколения исследователей творчества Вольтера, написавших немало работ на смежные темы. Более успешно продвигались в этом направлении зарубежные авторы, о чем свидетельствуют острополюемическая книга А. Лортолари¹³⁴ и монографическое исследование К. Уилбергер¹³⁵, а также опубликование критического комментированного издания «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера, осуществленное М. Мерво¹³⁶. Более трехсот страниц в этом издании занимает исследование именитого французского ученого, которое является лучшим на сегодняшний день, во многом образцовым трудом об «Истории» Вольтера. Своеобразным признанием заслуг Е. Ф. Шмурло в изучении темы видится тот факт, что ссылки на его книгу присутствуют едва ли не на большинстве страниц академического оксфордского издания.

Отечественные исследователи (Н. С. Платонова, Ф. Я. Прийма, Л. Л. Альбина, П. Р. Заборов, Н. А. Копанев, М. Б. Свердлов, С. А. Мезин, С. Н. Искюль и др.) разрабатывали, как правило, лишь частные вопросы, связанные с историческим трудом Вольтера и его источниками. Таким образом, переиздание монографии Е. Ф. Шмурло с ценным приложением источников, несомненно, окажется востребованным в среде российских специалистов, занимающихся творчеством Вольтера и более широко – историей XVIII ст.

Фундаментальное исследование Е. Ф. Шмурло о вольтеровской «Истории» Петра Великого трудно назвать забытый или недооцененной книгой. Однако чего уж точно нельзя отрицать, так это ее огромной библиографической редкости. Тираж пражского издания 1929 г. неизвестен, но судя по тому, что лишь немногие библиотеки могут похвастаться наличием

¹³² Там же. С. 72.

¹³³ *Историк* [= Флоровский А. В.] История книги Вольтера о Петре Великом // Россия и славянство. 1929. 7 декабря; *Hajek Z. Kritické dílo o Voltairovi jako historiku* // Lidové Noviny. Brno, 1929. 12. března; *Мякотин В. А.* Вольтер, как историк Петра Великого // Последние новости. 1930. 9 января; *Eck A. Šmurlo (E.).* Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand» // Revue belge de philologie et d'histoire. 1932. T. 11. Fasc. 1–2. P. 193–196.

¹³⁴ *Lortholary A.* Op. cit.

¹³⁵ *Wilberger C. H.* Op. cit.

¹³⁶ *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Edition critique par Michel Mervaud avec la collaboration d'Andrew Brown, Ulla Koelving et Christiane Mervaud // Oeuvres complètes de Voltaire. Vol. 46–47. Oxford, 1999.

книги Шмурло, число напечатанных экземпляров было мизерным. Тем острее ощущается необходимость в переиздании труда в наши дни, поскольку своего научного значения и востребованности он не утратил.

При подготовке книги к публикации неминуемо возник вопрос о том, как представить современному читателю обширнейшие документальные приложения, ведь Шмурло предпочитал печатать исторические источники на языке оригинала, в данном случае – на французском. В конечном счете было принято решение оставить все так, как было задумано им. Французский текст дан в орфографии, принятой в XVIII в.: например, вместо *ai – oi, temps – tems* и т. д. То же в немецких вставках: *bey* вместо *bei* и т. п. Введенные Евгением Францевичем в научный оборот материалы во многом как раз ценны своим оригинальным стилем, а потому их перевод на современный русский язык значительно бы снизил источниковедческий потенциал. Текст же исследования Е. Ф. Шмурло приведен в соответствие с современной орфографией.

Е. Ф. Шмурло

Вольтер и его книга о Петре Великом

Введение

Среди многочисленных сочинений, вышедших из-под пера Вольтера, есть одно, до сих пор еще не ставшее предметом специального исследования. Я говорю о его «*Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*». Правда, оценка этой книги уже составлена: труд этот не прибавил новых лавров в венок французского писателя; но никто еще не рассказал нам, как составлялась и писалась сама книга, в какой обстановке, с каким настроением работал Вольтер над этим сочинением. Подобная тема напрашивается сама собою уже по одному тому, что книга писалась не без задней мысли: автор брался за перо, задаваясь, помимо Петра, еще особыми целями, с литературой и историей имевшими мало общего, и если по его книге мы знакомимся с деятельностью и личностью великого Преобразователя России, то, одинаково, материалом может служить она и для выяснения фигуры самого автора.

Конечно, «История России при Петре Великом» есть лишь случайный и далеко не первостепенный эпизод из литературной деятельности Вольтера; к физиономии его, как писателя, новых черт она не прибавит; рассказ же о том, как автор творил свою книгу – заранее говорим – не изменит сложившегося представления о физиономии его и как человека; однако, раз дело идет о такой крупной величине, как «Фернейский отшельник», нельзя не дорожить даже маленькими черточками и штрихами, даже второстепенной подробностью, если она связана с его именем; более же близкое знакомство с процессом самой работы Вольтера, несомненно, осветит его личность ярче и полнее, поможет выпуклее представить его литературные приемы, и перед нами лишний раз предстанет Вольтер – блестящий писатель, изящный стилист, всегда готовый пустить в ход свое ядовитое жало; – Вольтер, проникнутый сознанием своего царственного положения в литературе, ревниво оберегающий свою славу и с высоты величия пренебрежительно третирующий меньшую братию, допуская одно только раболепное восхищение и фимиам по своему адресу и никакой критики, никакого противоречия.

Но, чтобы восстановить этот образ, одной книги еще недостаточно. «Историю России» необходимо поставить в связь с обширной перепиской, какую вел ее автор, впервые задумав свой труд и, позже, работая над его осуществлением; а еще более – с сотрудничеством петербургских академиков, посылавших ему сырой материал и свои критические замечания, советы и наставления.

Переписка Вольтера и существование данных петербургского происхождения известны уже давно, но – последние – не полностью; и то, что опубликовано, далеко не исчерпывает всего материала, непосредственно относящегося к нашей книге. Значительная часть его, почти не тронутая, лежит еще на архивных полках и ждет разработки. Материал этот сохранился в Бумагах Вольтера, перешедших, после его смерти, в собственность русского правительства (СПб. Публичная библиотека), и в так называемых Портфелях академика Г. Ф. Миллера (Московский главный архив Министерства иностранных дел); хотя эти данные никогда не были тайною, но до сих пор они не обращали на себя должного внимания¹³⁷. Между тем точное и

---

¹³⁷ Петербургская серия документов описана, хотя и не полностью, Минцловым в его книге «Петр Великий в иностранной литературе». СПб., 1872. С. 65 и след.; была она и в руках г. Ронимуса (Ronimus J. W. *Voltaire som Peter den Stores historieskrifvare. Akademisk Afhandling*. Wiborg, 1980). Из московской серии (Портфели Миллера) черпали, немного и мимоходом, С. М. Соловьев в статье «Г. Ф. Миллер» (Современник. 1855, октябрь) и Пекарский в «Истории Академии Наук». Некоторые данные о той и другой группе приведены в моей книге «Петр Великий в оценке современников и потомства».

ясное представление о том, как писал Вольтер свою книгу, без него невозможно. Привлечь архивный материал необходимо еще и потому, что он органически связан с материалом уже опубликованным, разрознен с ним случайно и имеет такие же, не меньшие, как и тот, права на печатный станок.

Переписка Вольтера¹³⁸ вводит нас в его литературный кабинет, в ту лабораторию, где готовился его труд. К сожалению, проследить по ней последовательно за ходом работы нельзя, тем более что самые главные из писем, к И. И. Шувалову, дошли до нас без соответствующего корректива: ответные письма Шувалова, по-видимому, пропали или лежат где-нибудь под спудом. Особенно ярки два письма Вольтера от 1 августа 1758 г. и 11 июня 1761 г.: по ним, отчасти, видно, в чем состояла критика петербургских академиков и как реагировал на нее наш автор. Эти письма, оказывается, имели свою историю: Миллер не оставил их без внимания и подверг разбору. Письмо 1 августа 1758 г. сопровождалось особой запиской: *Mémoire d'instructions joint à la lettre*¹³⁹. – Миллер разобрал ее по пунктам и на «возражения» представил свои «ответы»¹⁴⁰. Письмо 11 июня 1761 г.¹⁴¹, преимущественно полемического характера, тоже подверглось оценке петербургского академика и вызвало такой же детальный разбор¹⁴².

Вольтер, однако, не только полемизировал; он не раз обращается к петербургским ученым с запросами, в целях выяснить возникшее сомнение или пополнить запас фактических данных; в этих запросах он сам делает первый шаг и просит наставить его, ознакомить с тем, что ему остается еще неизвестным. Таковы дошедшие до нас: 1) *Demandes de Mr. de Voltaire*, относящиеся ко времени составления первого тома: о населении России, о войске, о торговле¹⁴³; 2) *Particularités sur lesquelles Mr. de Voltaire souhaite d'être instruit* – по связи с работой автора над вторым томом: о сношениях Петра с иностранными державами, о его правительственной деятельности, о Екатерине, доходах Троицкой лавры, о князе-кесаре и проч.¹⁴⁴; и 3) *Remarques sur quelques endroits du chapitre contenant la condamnation du Tsarevitch avec les réponses aux questions mises en marge* – ряд вопросов, касающихся суда и смерти царевича Алексея¹⁴⁵. Эти запросы тоже вызвали соответственные разъяснения, принадлежащие перу Миллера¹⁴⁶.

В деле разъяснений и лучшей подготовки текста Петербургская академия не ограничилась одной только пассивной ролью и не свела своей работы к одним ответам или простому собиранию сырого материала: она, кроме того, и по собственному почину указывала Вольтеру, что, по ее мнению, необходимо было изменить, дополнить, исправить. Книга, по мере ее изготовления, посылалась, отдельными главами и частями, в Академию на предварительный просмотр и одобрение; и это породило те критические замечания, которые причинили автору «Истории России» столько неприятностей и досады.

Замечания эти представляют для нас особенный интерес. Они дают больше, чем обыкновенный разбор литературного произведения: они не только вскрывают мысль критика, не только дают оценку книги, но и позволяют судить об отношении автора критикуемого сочинения к своему рецензенту, о его собственной оценке высказанных о его произведении взгля-

СПб., 1912. С. 75–78 второй пагин.

¹³⁸ *Œuvres Complètes de Voltaire. Nouvelle édition publiée par L. Molande. Paris, 1877–1883. Garnier Frères, тт. XXXIII и след.* На это издание делаются и все последующие ссылки.

¹³⁹ *Œuvres, XXXIX, 474. Correspondance, № 3637.*

¹⁴⁰ См. Приложение I. *Objections de Mr. de Voltaire. Réponses à ces objections.*

¹⁴¹ *Œuvres, XLI, 316. Correspondance, № 4568.*

¹⁴² См. Приложение II. *Remarques sur la lettre de Mr. de Voltaire II Juin 1761.*

¹⁴³ См. Приложение III.

¹⁴⁴ См. Приложение IV.

¹⁴⁵ См. Приложение V.

¹⁴⁶ См. Приложения III–V.

дов и суждений. Дело в том, что, сверяя и сопоставляя эти замечания с текстом «Истории» в ее различных изданиях, первоначальном и позднейших, легко определить, что из них принял Вольтер, что отвергнул, в какой мере воспользовался советом, что признал правильным и с чем не согласился. Замечания эти – а их целые сотни – дают анализ почти всей книги, следят за ней страница за страницей и, с помощью указанного приема – сопоставления с текстом книги, – становятся своего рода зеркалом, отражая в нем самого Вольтера. Этот прием позволяет нам беседовать одновременно и с критиком, и с автором: первый непосредственно говорит, что думает; второй, молчаливым движением зачеркивая уже написанное слово, готовую фразу, или ревниво оберегая ее от непрошеного вторжения, конечно, тоже разговаривает с нами и делится своими мыслями.

Критические замечания на «Историю России» принадлежат перу Ломоносова и Г. Ф. Миллера¹⁴⁷. Замечания Ломоносова дошли до нас в двух параллельных группах: более ранней и позднейшей, и напечатаны: первая в Московском телеграфе 1828 г.¹⁴⁸, вторая – в Московском вестнике 1829 г.¹⁴⁹ Замечания академика Миллера объемом значительно превосходят ломоносовские. Не мало их опубликовано; но большая часть остается еще в рукописи¹⁵⁰. К числу рукописных следует отнести:

1. *Remarques sur le premier tome de l'Histoire de Pierre le Grand, par Mr. de Voltaire de faire usage.* (Сокращенно мы будем называть эту группу: REM. I.)

2. Те же «*Remarques*» в беловом списке, но не как простая перебеленная копия прежних, а в новой дополненной редакции: с более подробными изложениями, с добавлением новых указаний. Впрочем, необходимо оговориться: несколько замечаний, три-четыре, в новую редакцию не попали, и найти их можно только в старой (сокращенно: REM. II).

3. Группа замечаний, сведенных под заголовком: «*Remarques sur le premier tome de l'Histoire de Pierre le Grand, par Mr. de Voltaire. On a passé les endroits sur lesquels on avoit déjà fait des remarques*». Как видно из самого заголовка, это замечания дополнительные, результат нового, более тщательно пересмотра книги (сокращенно: SUPPL.).

4. *Suite de remarques sur le premier tome de l'Histoire de Pierre le Grand, par Mr. de Voltaire* – продолжение предыдущей группы (сокращенно: SUPPL.).

5. Группа замечаний, сведенных под заголовком: «*Fautes typographiques et autres petites corrections qu'on prend la liberté de proposer à Mr. de Voltaire pour la seconde édition du premier tome de l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*» (сокращенно: FAUTES).

6. *Remarques sur le second volume de l'Histoire de Pierre le Grand, par Mr. de Voltaire* (сокращенно: SEC.).

7. *Remarques sur les autres chapitres: 1. Travaux et Etablissements vers l'an 1718 et suivants; 2. du Commerce; 3. des Negociations d'Aland; 4. de la Religion; 5. des Loix; 6. des Conquêtes en Perse* (сокращенно: SEC.).

8. *Remarques sur quelques endroits des chapitres contenant la condamnation du Tsarevitch avec les reponses aux questions mises en marge.* «*Reponses*» Миллера на запросы Вольтера см. в Приложении V; некоторые же замечания, сделанные Миллером по своему почину, отнесены к Приложению VI, в Сводку (сокращенно: ALEX.).

¹⁴⁷ Указания на это собраны в моей книге «Петр Великий в оценке современников и потомства». С. 77 втор. пагин.

¹⁴⁸ Часть 20; март, № 6. С. 151–159. Замечания, по свидетельству издателя «М. Телеграфа» (Н. Полевого), печатались с подлинника, писанного рукою самого Ломоносова и полученного им, издателем, от П. А. Муханова. Выдержки из этих замечаний, в переводе на французский язык, см. в «*Lettre inédite de Voltaire*», в *Bulletin du Nord*. 1828, Juillet, 326–330 (Шмурло. Петр Великий в оценке современников, 72 втор. пагин). Также и Beuchot (*Œuvres de Voltaire*, XVI, 373): «*Quelques-unes des observations de Lomonosoff, publiées dans le Télégraphe de Moscou, № 6 de 1828, ont été reproduites, la même année, dans le septième cahier du Bulletin du Nord, journal scientifique et littéraire imprimé en la même ville*».

¹⁴⁹ Часть 5. С. 158–163. Подлинники Ломоносовских замечаний хранятся в Академии наук (Пекарский. История Академии Наук. II, 760).

¹⁵⁰ См. их ниже в «Сводке критических замечаний» (Приложение VI).

Замечания эти труда стоили не малого, и желание сделать их достоянием публики, не похоронить в неблагодарных бумагах Вольтера и в то же время удовлетворить собственному самолюбию – дать щелчок литературному врагу и поквитаться с ним за его злоязычие, такое желание, со стороны Миллера, было вполне понятным и естественным. Действительно, критик постарался дать своей работе возможно широкую огласку. Из посланного в Дэлис он отобрал, что считал наиболее подходящим и ярким, напечатав это, в два приема, на немецком языке, при содействии своего приятеля Бюшинга.

В журнале *Neues Gemeinnütziges Magazin für die Freunde der nützlichen und schönen Wissenschaften und Künste*¹⁵¹ появилась, без имени автора, в форме письма к редактору, оценка первых двух глав первого тома вольтеровской книги. Главы эти содержат историко-географический очерк России; Вольтеру пришлось иметь дело с массой географических имен, определять границы областей, территории, занятые инородческими племенами, – таким образом материал для кропотливой критики представлялся весьма благодарный¹⁵², и петербургский академик не преминул широко использовать представлявшийся ему случай указать на ошибки и промахи Вольтера. Задетый критикой немецкого ученого, Вольтер не оставил ее без ответа: переведенное на французский язык, «письмо» было напечатано в *Journal Encyclopédique*¹⁵³ и обставлено примечаниями (анонимными), назначение которых было парировать нанесенный удар. По мнению Керара¹⁵⁴, примечания эти продиктованы самим Вольтером. О Миллере же, как авторе «письма», имеется авторитетное свидетельство Бюшинга¹⁵⁵; и кроме того, достаточно сопоставить содержание статьи с соответственными местами в «*Re-maques sur le premier tome*», чтобы признать, там и тут, одно и то же перо. Если и есть разница, то в тоне: печатаясь в журнале, Миллер чувствовал себя свободнее и писал в стиле открытой полемики, с выпадами и уколами по адресу противника: в *Remarques* же он гораздо сдержаннее и объективнее.

В 1761 г. вышел немецкий перевод книги Вольтера (первый том), со «вставками и исправлениями» Бюшинга¹⁵⁶ – Миллер использовал и его в своих целях¹⁵⁷, обратив на этот раз свое оружие на остальные главы. Первые две затрагивать не пришлось уже потому, что, «исправляя» перевод, Бюшинг совершенно выкинул их и заменил собственным географическим очерком Русского государства. Переводной текст вообще обильно снабжен примечаниями, и большая половина их миллеровская, доказательством чему служит их полное тождество с теми, что внесены в только что помянутые *Remarques*.

В 1769 г. Миллер напечатал в журнале Бюшинга «*Magazin für die neue Historie und Geographie*»¹⁵⁸ особую статью: «*Nachrichten von dem Zarewitsch Alexei Petrowitsch*», по поводу главы X второго тома книги Вольтера, посвященной суду над царевичем Алексеем и его

¹⁵¹ Hamburg. 1760–1761. 4 Bände; в тт. II и III. С. 716 и след. Самого журнала и я не имел в руках.

¹⁵² Кроме замечаний на первые две главы, есть еще несколько, три-четыре, и на другие главы I-го тома, но случайные и, видимо, сделанные мимоходом.

¹⁵³ 1er Décembre 1762 (a Bouillon). Tome VIII, 2ème partie. С. 50–78: «Critique de l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par M. de Voltaire. Extrait d'une lettre adressée à l'éditeur d'un journal allemand intitulé *Allgemeinnütziges Magazin*. A Hamburg. 1762».

¹⁵⁴ Quérard, *La France littéraire*. Paris, 1853. Vol. X, pag. 420.

¹⁵⁵ Büsching A. F. *Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen*. 3-ter Theil. Halle, 1785. С. 157.

¹⁵⁶ Franz Maria Arrouet von Voltaire. *Geschichte des Russischen Reiches unter Peter d. Grossen*. Aus dem Franz. übers. von I. M. Hube und mit Zusätzen und Verbesserungen herausg. von D. A. F. Büsching. Frankf., 1761. Второй том вышел там же, в 1763 г.

¹⁵⁷ 16 февраля 1761 г. Миллер писал Бюшингу, по поводу готовящегося перевода книги Вольтера: «на этот конец я посылаю к вам список с некоторых примечаний... Будет принято хорошо, когда вы найдете возможным воспользоваться этим. Если же, при получении списка, печатание уже будет далеко, то это можно сделать при втором издании» (Пекарский. *История Академии Наук*. I, 386).

¹⁵⁸ Том III. Hamburg, 1769.

смерти. Статья повторила замечания, в свое время пересланные автору «Histoire de Russie» в рукописном виде¹⁵⁹.

Наконец, в 1782 г., в том же журнале Бюшинга, по поводу инцидента с французом Талейраном, маркизом д'Эскидейль, посетившим Россию в царствование Михаила Федоровича, Миллер напечатал другую полемическую статью, на этот раз на французском языке: «Eclaircissements sur une lettre du roi de France Louis XIII au tzar Michel Fedorowitch de l'année 1635»¹⁶⁰.

Ниже, в конце настоящего исследования, будет приложена сводка всех замечаний, рукописных и почти всех печатных, составленных Ломоносовым и Миллером, – она наглядно покажет нам, как отнесся Вольтер к предъявленной ему критике и в какой мере захотел использовать указания и советы петербургских академиков¹⁶¹.

В дополнение к вышесказанному еще несколько слов о самих рукописях, которые содержат критические замечания петербургских академиков на книгу Вольтера.

1. REM. I – Remarques sur le Ier Tome de l'Histoire de Pierre le Grand dont on prie Mr. Voltaire de faire usage.

Бумаги Вольтера, № 242, том I, № 13 (новая нумерация; старой нет). 6 листов. 140 замечаний на первый, не выпущенный в свет том издания 1759 г. (ср. экземпляр СПб. Публич. библиотеки. VIII. 11/1). По отношению к REM. II – это черновая или по крайней мере предварительная и неполная редакция. Три замечания, имеющиеся в ней и отсутствующие в REM. II, основного характера рукописи не меняют: в одном замечании позволительно видеть простой вариант редакции REM. II (см. Сводку № 51), два остальных настолько незначительны, что, возможно, позже не сочли за нужное посылать их (Сводка, № 148, 244), тем более что одно из замечаний Вольтер уже предупредил в соответствующем месте своего текста (Сводка № 244).

2. REM. II – Remarques sur le Ier Tome de l'Histoire de Russie par Mr. de Voltaire.

Портфели Миллера. № 2, № 149. Тетрадь 2-я, л. 1–26. Беловой список, 156 замечаний, как и в REM. I, на гл. I–XIX, то есть на весь первый том «Истории». Значительная часть замечаний – простое повторение REM. I; отличие других – скорее в форме изложения, чем в содержании. Зато есть 23 замечания, не вошедших в REM. I (см. их в Сводке по № 11, 19 (два), 25, 32, 43, 46, 51, 66, 76, 86, 97, 105, 111, 130, 140, 175, 201, 216, 229, 234, 255, 259). Едва ли может быть сомнение в том, кто был автором замечаний в REM. I и REM. II: Г. Ф. Миллер. Некоторые из них повторены позже в немецкой переделке, уже несомненно миллеровской.

3. SUPPL. – Remarques sur l'Histoire de Pierre le Grand par Mr. de Voltaire. On a passé les endroits sur lesquels on avoit déjà fait des remarques.

1) Портфели Миллера. № 2, № 149. Тетрадь 1-я, л. 1–18. Собственноручная черновая Миллера. Замечания на тот же первый том издания 1759 г., но на этот раз не на всю книгу (296 с.), а лишь на первые четыре главы: а) Description de la Russie; б) Suite de la description de la Russie; в) Des ancêtres de Pierre le Grand; г) Ivan et Pierre. Horrible sédition de la milice des Strélitz (с. 1–100);

2) Ibid., л. 27–28. Беловой писарский список вышеуказанной черновой; но только начало (замечания к с. 1, 3–14);

3) Бумаги Вольтера. № 242, том I, № 15 (новая нумерация; старой не было). Беловой список, полный; 18 листов. Всего 146 замечаний. Отличия белового списка от черновой:

а) четыре замечания, первоначально вписанные в черновую, были там зачеркнуты и в беловой список уже не попали: Миллер, видимо, вовремя спохватился: на эту тему он уже

¹⁵⁹ См.: Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 79 второй пагин.

¹⁶⁰ Magazin, XVI, 349–354; немецкий перевод в «Neues St.-Petersburgische Journal». 1783. Band I, 120–129. См.: Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.

¹⁶¹ Приложение VI.

говорил раньше, в REM. I и REM. II. Замечания эти следующие: 1. Никогда не существовало «Черной» России. 2. Не «патриарх Константин», а Нестор написал историю Киева. 3. От татарского ига освободил Россию не Иван Грозный, а Иван III. 4. Из числа сибирских инородцев только чукчи еще не признали над собою власти русского правительства (ср. Сводку № 10, 11, 59, 75). Однако второе замечание – о «патр. Константине» – составлено в редакции, отличной от редакции REM. I и REM. II; вследствие этого мы сочли не излишним внести его в Сводку (№ 11);

б) в черновой читаем: «*ibid. lin. 6.: célèbre Aristote de Bologne. Je laisse à juger si l'on doit appeler célèbre un homme dont les historiens étrangers ont sçu si peu comme de cet architecte*». Слова эти вписаны и в беловую рукопись, но потом старательно там зачеркнуты (ср. Сводку № 33). Они вызваны следующей фразой Вольтера: «*Ce Kremelin fut construit par des architectes italiens, ainsi que plusieurs églises, dans ce goût gothique, qui était alors celui de toute l'Europe; il y en a deux du célèbre Aristote de Bologne, qui florissait au XVe siècle*» (Œuvres, XVI, 40 1).

4. SUPPL. – Suite des Remarques sur l'Histoire de Pierre le Grand par Mr. de Voltaire.

Портфели Миллера. № 2, № 149. Тетрадь 1-я, л. 19–36. Собственноручная черновая Миллера. Непосредственное продолжение предыдущих замечаний на тот же первый том издания 1759 г.: на главы 5, 6 и 7: а) *Gouvernement de la Princesse Sophie*; б) *Règne de Pierre. Commencement de la grande reforme*; в) *Congrès et traité avec les Chinois*, (с. 101–133). Заголовок («*Suite – de Voltaire*») зачеркнут, видимо, для того, чтобы при переписке сам текст связать непосредственно с замечаниями на первые четыре главы. – Тут же другая черновая, тоже руки Миллера, на немецком языке. Всего 88 замечаний.

5. FAUTES. – Fautes typographiques et autres petites corrections qu'on prend la liberté de proposer à Mr. de Voltaire pour la seconde édition du premier tome de «*l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*».

Бумаги Вольтера. № 242, том I, № 14 (новая нумерация) и № 7 (нумерация, современная Вольтеру). 3 листа. Над заголовком, почерком, который признается Минцловым за Шуваловским, приписано: «*Ce sont de ces petites que Mr. de Voltaire se fera lire par son secrétaire*». 71 замечание, притом не исключительно «*типографских*», но иногда и по существу, все на тот же первый том изд. 1759 г.

6. SEC. – Remarques sur le second volume de l'Histoire de Pierre Ier par Mr. de Voltaire.

Бумаги Вольтера. № 242, том I, № 17 (новая нумерация; старой не было); с. 1–37. Это замечания, числом 131, на главы 1–6, 8 и 9 второго тома, посланные в Петербург на предварительный просмотр в рукописи.

7. SEC. – Remarques sur les autres chapitres: 1. *Travaux et Etablissements vers l'an 1718 et suivants*; 2. *du Commerce*; 3. *des Négociations d'Aland*; 4. *de la Religion*; 5. *des Loix*; 6. *des Conquêtes en Perse*.

Бумаги Вольтера. № 242, том I, № 16 (новая нумерация; старой не было). 6 листов. 36 замечаний на новые (XI–XVI) главы рукописи второго тома; продолжение предыдущих.

8. ALEX. – Remarques sur quelques endroits du chapitre contenant la condamnation du Tsarevitch avec les réponses aux questions mises en marge.

Бумаги Вольтера. № 242, том I, № 19 (новая нумерация; старой не было). 9 листов. 31 замечание: 19 на запросы Вольтера, 12 – по собственному почину.

Глава первая

Мысль написать историю Петра Великого, нарисовать его образ и изложить его деяния пришла Вольтеру задолго до того, как он в действительности приступил к ее осуществлению. В 1731 г. он выпустил в свет своего «Карла XII» и, может быть, уже одним появлением этой книги, бессознательно для самого себя, определил дальнейшее направление своих мыслей: Петр дополнял Карла; история одного без истории другого оставалась неполной. Избрав первоначально своим героем шведского короля, Вольтер не мог не почувствовать, что в великой драме, разыгравшейся на отдаленном северо-востоке Европы и завершившейся столь неожиданным финалом, в сущности, было два героя, не один. Яркая антитеза Карлу, этому буйному викингу, запоздалому рыцарю благородного, полного блеска, но бесплодного и беспочвенного романтизма в политике, – Петр, с его гениальным умом государственного строителя и создателя, уже одной этой антитезой мог приковать к себе внимание Вольтера, который как раз в ту пору работал над «Веком Людовика XIV», задачей, по существу, однородной – над выяснением уклада народной жизни, воплощенного в яркой и блестящей личности. Повторяем, Карл и Петр оттеняли один другого. Один олицетворял собой прошлое, ставшее теперь бесполезным и ненужным, как все, что уже отжило свой век; другой говорил о будущем, полезном и необходимом. И чем больше воздал Вольтер хвалы «северному герою», тем естественнее было со временем появиться желанию воздать должное и герою Полтавы, изумившему мир редкостным сочетанием достоинств полководца и законодателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.